

Впослѣдствіи, въ 1845 году, Хрѣновскій заводъ графа Орлова и Анненскій графа Ростопчина были пріобрѣтены правительствомъ и сосредоточены въ Хрѣновомъ. Обѣ эти породы смѣшались; получилась орлово-ростопчинская лошадь, которая къ послѣдней четверти настоящаго столѣтія, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ для нея вѣяній, почти угасла. Въ настоящее время на орлово-ростопчинскую лошадь снова обращено вниманіе, и она одно время пользовалась особымъ покровительствомъ главнаго управленія государственнаго коннозаводства.

Упомянувъ о заводахъ графовъ Розумовскаго и Ростопчина, какъ о крупныхъ явленіяхъ, на которыхъ безспорно отозвалась дѣятельность графа Орлова, нельзя обойти молчаніемъ нѣкоторыхъ современниковъ его, съ которыми онъ имѣлъ тѣсную личную связь въ интересующемъ насъ вопросѣ. То были: Д. М. Полторацкій, О. С. и Н. С. Мосоловы, Д. П. и Н. П. Савеловы, Д. П. Лопухинъ, князь М. Н. Хилковъ, П. С. Муравьевъ, Загряжскій, Н. Д. Домогацкій, Чемодановъ, братья Всеволожскіе, К. П. Воейковъ и Тимирязевъ. Всѣ эти лица, главнымъ образомъ, были партнерами графа по спорту.

К. Глазюновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Конный отрядъ генерала Ренненкампа въ русско-японскую войну.

ДО-ЛЯОЯНСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Раіонъ дѣйствій отряда.

Характеръ мѣстности. Мѣстность, на которой пришлось дѣйствовать конному отряду генерала Ренненкампа, занята Фэньшуй-линскимъ хребтомъ, служащимъ водораздѣломъ громаднаго количества рѣкъ, впадающихъ въ р. Тай-цзы-ха—съ одной стороны и въ р. Айхэ—съ другой.

Болѣе пересѣченной мѣстности трудно себѣ представить. Фэнь-шуй-линъ и его отроги представляютъ изъ себя тѣсный сплошной горный массивъ, изрѣзанный во всѣхъ направленіяхъ горными рѣчками. Въ расположеніи горъ полнѣйшій хаосъ: никакихъ правильныхъ очертаній, направленій отдѣльныхъ хребтовъ и т. п. встрѣтить нельзя. Въ довершеніе этого горы, особенно въ юго-восточной части, почти сплошь покрыты или лѣсомъ, или же густымъ—въ ростъ человека—кустарникомъ. Съ какой-либо сопки (вершины), командующей окружающею мѣстностью, глазамъ зрителя представлялась картина живописнѣйшаго безпорядка, которая невольно наталкивала на мысль, что подобныя мѣста на столько неудобны для боевыхъ дѣйствій вообще, а кавалеріи—въ особенности, на сколько незамѣнимо пригодны для устройства веселыхъ экскурсій и пикниковъ.

Дороги. Дорогъ въ точномъ значеніи этого слова въ этой мѣстности нѣтъ. Здѣсь есть долины безконечнаго множества рѣчекъ и рѣкъ, дно которыхъ и пред-

ставляетъ изъ себя дорогу, или же есть тропы для пѣшеходовъ. Вслѣдствіе крайней узости долинъ дорога часто идетъ прямо по руслу рѣки, покрытому камнями; а если дно рѣки совершенно не позволяетъ движенія, то дорога отходить въ сторону, поднимается также по дну какой-либо маленькой рѣчки въ горы, переваливаетъ нѣсколько хребтовъ (переваловъ) и снова спускается въ долину рѣки. Движеніе по такимъ дорогамъ чрезвычайно затруднительно.

Безчисленное множество переваловъ представляютъ изъ себя неимовѣрнѣйшія затрудненія не только при движеніи артиллеріи и обозовъ, но даже и одиночнаго всадника. Подъемы на перевалы и спуски есть ни что иное, какъ вымоины маленькихъ горныхъ рѣчекъ въ ущельяхъ, узенькое дно которыхъ покрыто крупными камнями. При переходахъ черезъ перевалы всегда приходилось спѣшиваться и вести лошадь въ поводу; двигаясь такимъ образомъ по одному—сотни страшно растягивались.

Дно всѣхъ рѣкъ покрыто камнями, которые часто даже только на половину покрываются водой.

По водѣ лошадь идетъ крайне медленно, нащупывая дно, и нерѣдки случаи, когда всадникъ вмѣстѣ съ лошадью валится въ воду.

Въ обыкновенное время всѣ рѣки мелки и въ бродъ проходимы, но стоитъ только пойти дождямъ (а это явленіе въ Манчжуріи частое), какъ онѣ поднимаются и дѣлаютъ переправу черезъ нихъ возможною только вплавь. Двигаться же по долинамъ, особенно въ мѣстахъ, гдѣ дорога идетъ по руслу рѣки, бываетъ совершенно невозможно. Грунтъ вообще глинистый. Въ дожди глина размокаетъ и въ значительной степени затрудняетъ и безъ того трудное движеніе.

Средства страны. Представленная мѣстность населена рѣдко. Находящіяся здѣсь небольшія деревни (иногда просто группы фанзъ) всѣ расположены по долинамъ рѣкъ. Можно, правда рѣдко, встрѣтить небольшія группы фанзъ и въ горахъ (недалеко отъ рѣчекъ), ютящіяся въ ущельяхъ и низинахъ.

Характеръ мѣстности лишаетъ населеніе этого района возможности развитія хлѣбопашества, поэтому жители здѣсь вообще очень бѣдны. Засѣвается здѣсь чумиза, гаолянъ, кукуруза и бобы, причѣмъ засѣвается или, вѣрнѣе, садится не для продажи, а только для собственнаго обихода.

Скотомъ этотъ край также бѣденъ.

Изъ сказаннаго видно, что въ описанномъ районѣ мы могли натолкнуться на голодовку, какъ это и случилось.

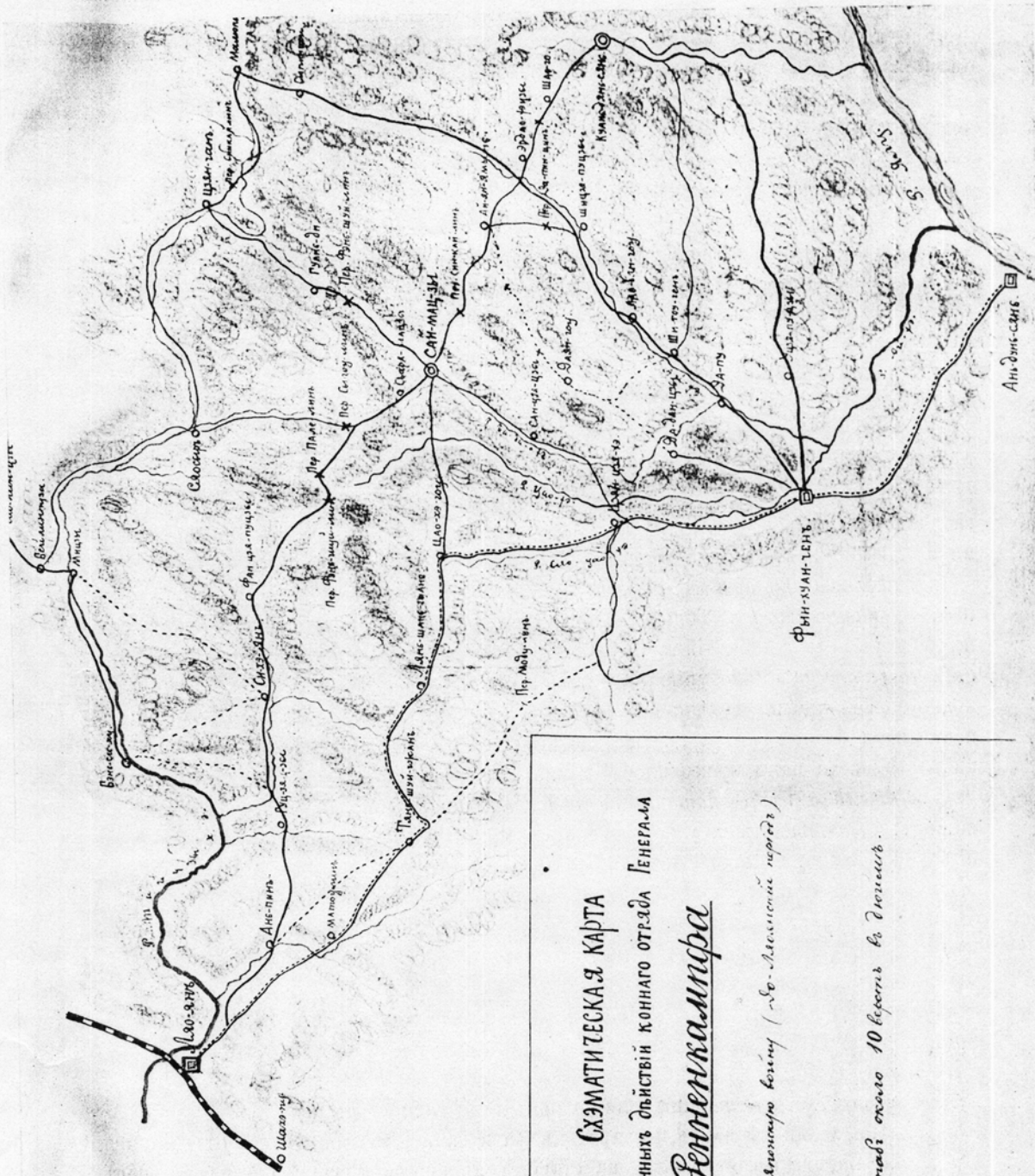
Я не знаю почему именно, но мнѣ кажется, что ввиду полной невозможности сообщенія съ нашей базой колеснымъ обозомъ и отдаленности района дѣйствій отряда, подвоза къ намъ не было совершенно никакого, поэтому намъ пришлось довольствоваться или, вѣрнѣе, голодать на счетъ средствъ страны.

Въ ограниченномъ количествѣ добываемые (а подъ конецъ и добывать было неоткуда) чумиза, гаолянъ, кукуруза служили пищей и намъ и нашимъ лошадямъ.

Съ мясомъ, котораго было также мало, мы ѣли сухую чумизную или гаоляновую кашу, или же сами мололи на китайскихъ жерновахъ кукурузу и пекли изъ этой «муки» лепешки на отвратительнѣйшемъ бобовомъ маслѣ.

Такая голодная жизнь продолжалась все время нашего пребыванія въ Саймацзинскомъ районѣ.

Иногда хотѣлось плакать отъ голода; хотѣлось ѣсть что бы то ни было, но только ѣсть...

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА

РАЙОНА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КОННОГО ОТРЯДА ГЕНЕРАЛА

Фенненкампа

в Суэско-Ямпинго войну (Со-Ламоний период).

Масштаб около 10 верст в дюйм.

Хлѣба и сухарей не было совершенно. Мука же въ крайне ограниченномъ количествѣ иногда добывалась счастливыми фуражирами и тогда лепешки изъ этой муки на томъ же вонючемъ бобовомъ маслѣ составляли праздникъ. Тогда добывшій муку командиръ сотни звалъ къ себѣ голодающихъ товарищей полакомиться...

Казакъ, конечно, были въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ офицеры, но не только не роптали, а находили это вполне естественнымъ и нормальнымъ. Ихъ постоянно безпечно-веселыя лица всегда ярко свидѣтельствовали, что голодъ ихъ не угнетаетъ и что они вполне сознаютъ неизбежность этого явленія въ данной обстановкѣ.

Забайкалецъ—это поразительно непрехотливый воинъ. Онъ однимъ чаемъ (да еще китайскимъ) съ чумизной кашей способенъ питаться цѣлыя недѣли.

За время саймацзинскаго голоданія нельзя было мечтать о чаѣ, сахарѣ, табакѣ, спиртныхъ напиткахъ и т. п. Пили зеленый китайскій чай—можетъ быть для китайца онъ хорошъ, но намъ казался противнымъ; вмѣсто сахара употребляли какой-то отвратительно-грязный сгустокъ, правда, дающій нѣкоторую сладость, вродѣ нашего арбузнаго меда. Курили листовой китайскій табакъ, который сушили и мяли сами; пили очень рѣдкіе, правда, ханшинъ. Что-либо противнѣе этого напитка трудно себѣ вообразить.

Лошади, за неимѣніемъ корма, поѣдали молодые всходы кукурузы, чумизы и гаоляна и такимъ образомъ въ корень разоряли китайцевъ. Плата за ихъ поля—не могла поправить бѣды.

Тяжелое было время. Рассказать, передать это словами нельзя—это надо испытать, прочувствовать. Только человѣкъ испытавшій это будетъ знать настоящую цѣну тяжестямъ и лишениямъ походно-боевой жизни, слагающейся не изъ опасностей только, а изъ совокупности, такъ сказать, всѣхъ случайностей и явленій походно-боевой жизни. Только при этомъ условіи не будетъ мѣста и сравненіямъ обстановки боевой жизни съ обстановкой усмиренія внутреннихъ беспорядковъ, какъ это часто намъ приходилось слышать послѣ войны...

Жители и ихъ отношенія къ намъ. Жители-китайцы относились къ намъ, въ общемъ, съ большимъ и, утверждаю, искреннимъ дружелюбіемъ, особенно когда ихъ не обижали. Сама обстановка поставила ихъ въ такія условія, что они должны были служить и намъ, когда были въ нашемъ расположеніи, и японцамъ, когда были въ чертѣ ихъ расположенія. Во всякомъ случаѣ, враждебнаго отношенія къ намъ не было, несмотря на то, что мы невольны ихъ разоряли. Они понимали, что мы иначе поступать не могли.

Нельзя поставить имъ въ вину и то, что они угоняли отъ насъ въ горы скотъ, прятали свое добро... Вѣдь имъ нужно было жить не только настоящимъ, но думать и о будущемъ.

Другое дѣло, что японцы ими лучше могли пользоваться.

Мы не знали ни языка, ни нравовъ, да и сами рѣзко разнились отъ китайца. Въ то же время, все это было на сторонѣ японцевъ. Русскій среди китайцевъ, если бы даже онъ отлично владѣлъ языкомъ, зналъ нравы и обычаи, не можетъ быть не опознанъ, а японецъ, прицѣпившій косу, всюду сойдетъ за китайца и можетъ поэтому совершенно свободно находиться въ районѣ нашего расположенія, почти ничѣмъ не рискуя.

Изъ всего изложеннаго выше видно въ какихъ тяжелыхъ условіяхъ находился отрядъ генерала Рейненкампа при выполненіи роли кавалеріи на войнѣ.

Отбрасывая всё другія условія въ сторону и принимая во вниманіе только «мѣстность», можно видѣть, что здѣсь не только не могли развиваться какія-либо спеціально кавалерійскія дѣйствія (набѣги, конныя атаки большими частями и т. п.), но съ большимъ трудомъ достигалась подвижность и велось дѣло развѣдки. И это послѣднее надо объяснить только исключительной энергіей, неутомимостью и кавалерійскимъ пыломъ генерала Ренненкампа.

И. Анисимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Читальный залъ унтеръ-офицерскаго клуба Кинбурнскаго драгунскаго полка.

Унтеръ-офицерскій клубъ 7-го драгунскаго Кинбурнскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полка.

Съ цѣлью поднятія умственнаго и нравственнаго развитія нижнихъ чиновъ въ частяхъ 19-го армейскаго корпуса, Его Высокопревосходительство командиръ корпуса инженеръ-генералъ Саранчевъ 12-го ноября 1908 года въ приказѣ своемъ за № 105 выразилъ желаніе и указалъ средство, которымъ можно было бы достигъ желаемаго въ отношеніи развитія нашего нижняго чина.

Приказъ этотъ гласилъ: «Русско-Японская война намъ наглядно доказала, что русскій солдатъ въ смыслѣ воина—стойкости, храбрости, выносливости, подобнаго себѣ не имѣетъ ни въ одной иностранной арміи, единственно, чего недостаетъ ему, это достаточнаго образованія и развитія, т. е. тѣхъ качествъ, которыя нынѣ необходимы по условіямъ настоящихъ требованій въ знаніи военнаго дѣла.

«Усвоеніе своей спеціальности еще не даетъ ему права стать на ту высоту своего величія, на какой онъ могъ бы стоять, будучи развитымъ и образованнымъ».

Конный отрядъ генерала Ренненкампа въ русско-японскую войну¹⁾.

Характеристика второочередныхъ полковъ Забайкальскаго казачьяго войска. Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію боевой дѣятельности конницы генерала Ренненкампа, необходимо сказать нѣсколько словъ о ея составѣ.

Забайкальскую казачью дивизию составили второочередные забайкальскіе казачьи полки: 2-й Читинскій, 2-й Верхнеудинскій, 2-й Аргунскій, 2-й Нерчинскій и 3-я и 4-я Забайкальскія казачьи батареи.

Офицерскій составъ полковъ былъ самый разнообразный. Главный контингентъ офицеровъ (до 75%) составляли офицеры регулярной кавалеріи и по преимуществу — кавалеріи гвардейской: тамъ были уланы, гусары, кавалергарды, лейбъ-драгуны и просто драгуны. Казаковъ офицеровъ было мало; въ томъ полку, гдѣ служилъ я, было 3 забайкальца, 4 оренбуржца и, впоследствии, 1 донецъ.

Всѣ офицеры, за исключеніемъ забайкальцевъ, пришли на войну охотниками и были, особенно въ первое время, прекрасными во всѣхъ отношеніяхъ боевыми товарищами.

Я сказалъ «особенно въ первое время» потому, что много изъ насъ не было подготовлено къ тяжести походно-боевой жизни. О трудахъ и лишеніяхъ военнаго времени мы часто имѣли совершенно превратныя понятія; мы не ожидали также продолжительной кампаніи. Однимъ словомъ, у многихъ изъ насъ не было серьезнаго, вдумчиваго отношенія къ войнѣ. Мы смотрѣли на войну, какъ на веселый пиръ. «Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ» — было нашимъ девизомъ. Мы боялись «опоздать» на войну...

Впрочемъ, это такъ и должно было быть... Не наша въ томъ вина... Насъ такъ вѣдь, часто, воспитывали...

Поэтому, достаточно было 2—3 мѣсяцевъ боевого труда и лишеній, перенесенныхъ, правда, съ честью и достоинствомъ, какъ появилось тяготѣніе къ тылу, тяготѣніе къ прикомандированію къ дальнимъ штабамъ, къ госпиталю...

Ген.-лейт. Павелъ Карловичъ Ренненкампа.

¹⁾ См. № 9 „В. Р. К.“.

Казакѣ. Общій составъ нижнихъ чиновъ, какъ боевой матеріалъ, былъ отличный: самоотверженный, преданный служебному долгу, въ высшей степени петреботавельный, терпѣливый и умѣющій приспособляться къ тяжелой походно-боевой обстановкѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ необходимо сказать, что Забайкальская дивизія представляла изъ себя плохую конницу. Казаки мало имѣли понятій о сложной специально кавалерійской службѣ.

Это была прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ ѣздящая пѣхота,—но и только.

Обстоятельство это объясняется слѣдующимъ.

Забайкальское казачье войско десять лѣтъ тому назадъ выставило только одинъ конный полкъ; все же остальное войско составляли пѣшіе баталіоны. Въ послѣднее десятилѣтіе развернуто, правда, 4 первоочередныхъ полка, но воспитанниковъ этихъ конныхъ полковъ въ станицахъ еще мало и, поэтому, духъ лихого кавалериста въ Забайкальѣ имѣетъ пока слабые корни.

Въ составѣ полковъ дивизіи были казаки 2-й очереди, 3-й очереди и даже запасные, причемъ въ смыслѣ строевой подготовки ихъ можно распредѣлить приблизительно такъ: $\frac{1}{2}$ служившихъ въ конныхъ полкахъ, а другая половина или «баталіонцы», или же такъ называемые «ниже предѣльные», т. е., не бывшіе на службѣ совершенно.

Если, теперь, принять во вниманіе отсутствіе въ Забайкальскомъ войскѣ состава льготныхъ офицеровъ, лагерныхъ сборовъ и обученія пригготовительнаго разряда въ станицахъ, то станетъ ясно, на какомъ уровнѣ была строевая подготовка этой дивизіи, а также почему я называю вторые полки ѣздящей пѣхотой. Это правильно еще и потому, что наши полки только передъ японской войной переформированы (на бумагѣ, конечно) изъ пѣшихъ баталіоновъ въ конные полки. У насъ и знамена были пѣшихъ баталіоновъ.

Вслѣдствіе такой несовершенной организаціи войска—остающійся отъ наряда казакъ не только никогда ничему не обучался, но первый разъ, пожалуй, встрѣтился съ офицеромъ передъ выступленіемъ въ боевой походъ. Поэтому казаки эти въ общей массѣ и казались плохо дисциплинированными, что особенно бросалось въ глаза офицерамъ регулярной кавалеріи.

Да, въ этихъ полкахъ показной дисциплины, дисциплины изъ-за боязни наказаній—не было. Но за то была болѣе цѣнная разумная дисциплина, основанная на довѣрїи и преданности,—къ сожалѣнію, часто этого не замѣчали. Мы вообще склонны видѣть дисциплину только въ громкихъ «такъ точно», «никакъ пѣтъ» и въ лихихъ поворотахъ «кругомъ», совершенно не вдумываясь въ то, что этотъ выдрессированный понугай способенъ, при возможности, придушить васъ.

Правильность послѣдняго вывода достаточно ярко подтверждена событіями послѣднихъ «освободительныхъ» лѣтъ.

Не кажущейся недисциплинированности забайкальцевъ мы должны удивляться, а тому, какъ этотъ сбродъ людей могъ составить конный отрядъ, выполнившій, при своей малочисленности, такую сложную задачу, которая была возложена, на отрядъ генерала Ренненкампа. А что эта задача выполнена, если не блестяще, то, во всякомъ случаѣ, вполне удовлетворительно, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Вотъ это, по моему, дѣйствительно, достойно удивленія.

Лошади. Конскій составъ дивизіи былъ выносливый, нетребовательный въ отношеніи корма и ухода. Но и здѣсь нужно сказать, что «забайкалки» годны болѣе для службы ѣздящей пѣхоты, нежели для несенія полевой службы кавалеріи въ точномъ значеніи этого слова. Онѣ мелки, невзрачны и поэтому для конныхъ состязаній съ противникомъ, сидящимъ на рослыхъ лошадяхъ, безусловно не годны.

Для той же службы, которую несли мы, т. е. для службы ѣздящей полупѣхоты и въ той голодной горной мѣстности—эти лошади были не только вполне удовлетворительны, но, по моему мнѣнію, и незамѣнимы.

Обозъ. Обозъ полковъ былъ колесный, но онъ годился и служилъ намъ только въ передній путь до Ляояна (т. е. при движеніи 400 вер. походомъ по Забайкалью). Въ Ляоянѣ же въ одну ночь сформированъ вьючный обозъ, а двуколки (за исключеніемъ патронныхъ и лазаретныхъ) были оставлены въ Ляоянѣ и впоследствии переданы въ пѣхоту. О результатахъ такого спѣшнаго сформирования вьючнаго обоза я скажу попутно ниже. Что же касается взятыхъ съ собою патронныхъ и лазаретныхъ двуколокъ, то эти двуколки просуществовали въ отрядѣ до перваго похода—рекогносцировки: ихъ порубили и пожгли. Мѣстность буквально не позволяла имѣть колесный обозъ.

Артиллерія. Тяжелыя полевыя орудія забайкальскихъ батарей въ той горной мѣстности, гдѣ пришлось дѣйствовать отряду, служили намъ громаднѣйшей обузой. Когда намъ приходилось ихъ брать съ собою на рекогносцировки, то, пожалуй, не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что мы больше таскали ихъ на рукахъ, чѣмъ возили на лошадяхъ.

Мой взглядъ: такія батареи въ горахъ съ коннымъ отрядомъ скорѣе вредъ, нежели польза—облегченіе на пути къ достиженію цѣлей.

При рекогносцировкахъ ихъ приходилось употреблять въ дѣло сравнительно рѣдко, но за то сколько силъ и времени тратилось на втаскиваніе ихъ на перевалы и спусканіе оттуда, благодаря чему кавалерія утрачивала свое главное достоинство—подвижность. При кавалеріи не только въ горахъ, но и на мѣстности ровной предпочтительнѣе, по моему мнѣнію, имѣть легкую горную артиллерію типа новыхъ конно-горныхъ батарей.

Сосредоточеніе дивизіи въ Ляоянѣ и походъ на Саймацзы. Вся дивизія съ артиллерією сосредоточилась въ Ляоянѣ къ 14-го апрѣля.

15-го апрѣля былъ произведенъ смотръ дивизіи командующимъ армією генералъ-адъютантомъ Куронаткинымъ, который, будучи окруженъ громадной блестящей свитой, сначала объѣхалъ полки, а затѣмъ пропустилъ ихъ мимо себя.

Послѣ смотра—дивизія отправилась въ окрестности д. Шахе-ну (въ 20-ти вер. къ югу отъ Ляояна), гдѣ предполагалась продолжительная стоянка съ цѣлью строевой подготовки. Въ полки было разослано распisanіе строевыхъ и полевыхъ занятій.

Но учиться и готовиться воевать было не суждено. Вечеромъ 19-го апрѣля всѣ офицеры дивизіи были собраны въ д. Шахе, гдѣ генералъ Ренненкампфъ объявилъ печальную новость: Тюренченскій бой.

Полки получили приказаніе утромъ, 30-го апрѣля, выступить въ Ляоянѣ. Ночлеги съ 20-го на 21-е были около Ляояна. Я хочу отмѣтить это число потому, что въ эту ночь было приказано завести вьючный обозъ, двукольный же

оставить въ Ляоянѣ. Распоряженіе это было вызвано, конечно, необходимостью, такъ какъ колесный обозъ въ томъ горномъ районѣ, куда мы получили задачу идти, какъ я уже сказалъ выше, былъ совершенно немислимъ.

Но неужели штабъ арміи узналъ объ этомъ только въ эту ночь? Неужели думали, что въ одну ночь (съ 9 час. вечера до 7 час. утра) въ чуждомъ и незнакомомъ Ляоянѣ можно сформировать хоть какой бы то ни было вьючный обозъ? Можетъ быть, это вызвано неожиданной переменной обстановки? Не знаю... Но только утромъ, когда командуящій арміей вновь пропускалъ мимо себя нашу 2-ю бригаду (которая и составила конницу генерала Ренненкампа), то можно было наблюдать довольно комичную, но и много говорящую картину: наскоро сдѣланныя или купленные у китайцевъ ночью вьючныя сѣдла съ мѣста же ломались и при проходѣ въ походномъ порядкѣ мимо командующаго арміей валились по дорогѣ мѣшки съ сухарями, цинковыя коробки съ патронами и т. п... Полкамъ пришлось оставить для подбора растеряннаго имущества особыхъ офицеровъ.

Съ момента выступленія изъ Ляояна дивизія была раздѣлена: 2-й Читинскій полкъ выступилъ нѣсколько раньше насъ въ восточный отрядъ къ Фынхуанчену, 2-й Верхнеудинскій оставленъ временно въ Ляоянѣ, а 2-я бригада (2-й Нерчинскій и 2-й Аргунскій съ 4-й Забайкальской батареей) подъ начальствомъ генерала Ренненкампа выступила на Саймацзы.

Разстояніе отъ Ляояна до Саймацзы черезъ Лянь-шань-гуань и Цао-хэ-гоу, по картѣ около 120 вер. (въ дѣйствительности же нѣсколько больше), пройдено отрядомъ въ четыре дня.

Дорога на всемъ своемъ протяженіи совершенно не оборудована и проходить по страшно-гористой мѣстности. Движеніе крайне замедлялось 4-й Забайкальской батареей, которую приходилось на рукахъ втаскивать на перевалы.

Мѣрами охраненія при движеніи являлась авангардная сотня, выславшая впередъ головную заставу, которая и освѣщала путь дозорами. Бокового охраненія не было. Дозоры по параллельнымъ хребтамъ на лошадяхъ двигаться не имѣли никакой возможности,—если же высылать пѣшихъ, то пришлось бы двигаться менѣе версты въ часъ.

Вопросъ бокового охраненія былъ самымъ больнымъ мѣстомъ въ теченіе всего времени дѣйствій отряда.

У Лянь-шань-гуаня встрѣтили отступающій Тюренченскій отрядъ, а также массу раненыхъ. Лично на меня, да, имѣю основаніе думать, и для большинства какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, эта встрѣча произвела только впечатлѣніе любопытства, если не считать, что она зародила въ сердцѣ каждого жажду мести противнику.

Здѣсь же мы встрѣтили первую жертву войны нашей дивизіи — раненаго у Фынхуанчена во время развѣдки хорунжаго 2-го Читинскаго полка Нагаева.

Сколько было восторговъ по поводу этой встрѣчи, особенно у насъ — близкихъ его товарищей по родному войску — Оренбуржцевъ!

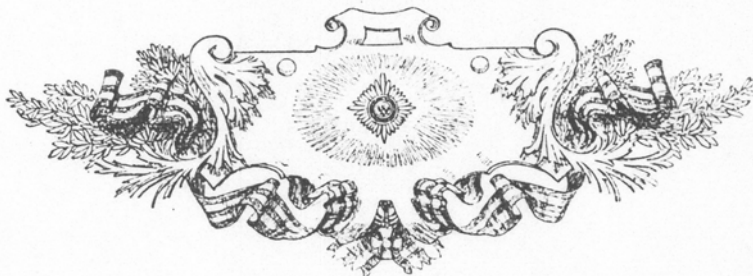
Какъ мы были рады этому и какъ хотѣлось, вмѣстѣ съ тѣмъ, отплатить врагу за кровь товарища!..

24-го апрѣля мы въ Саймацзы. Это небольшой китайскій городокъ въ голодномъ горномъ районѣ. Пунктъ этотъ очень важный по своему стратегическому

положенію, такъ какъ является узломъ дорогъ, идущихъ отъ Фынхуанчена и Куаньденьесяна на Ляоянь и Мукденъ.

Н. Анисимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пахнутъ порохомъ.

Солдаты есть защитники Царя и Россіи отъ враговъ внутреннихъ и вѣншихъ.

27-го января 1904 г. японцы внезапно напали на нашу портъ-артурскую эскадру, и съ того дня Русская армія «на чеку». 18 мѣсяцевъ $\frac{1}{3}$ часть ея дралась на поляхъ Манджурии, дралась, какъ могла, но передъ неожиданно искуснымъ врагомъ, безъ сомнѣнія, поддержаннымъ и врагами внутренними, армія наша отступила, закончивъ кампанію безславнымъ для Россіи миромъ въ Портсмутѣ.

Уже черезъ $\frac{1}{2}$ года послѣ начала кампаніи открыто начали проявлять свою дѣятельность главные союзники японцевъ—внутренніе враги Царя и Россіи, въ видѣ покушеній на жизнь высокопоставленныхъ лицъ, до покушенія на священную особу Державнаго вождя Русской арміи.

Задолго до явнаго натиска со стороны революціоннаго элемента замѣтны были чьи-то происки проникнуть въ секретъ нашихъ мобилизаціонныхъ распоряженій: выкрадены были планы кронштадтскихъ фортовъ, измѣнниками выданы были наши мобилизаціонные планы и нѣкоторыя другія секретныя бумаги. Нелегальныя, подпольныя политическія партіи усугубили свою дѣятельность. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ учащіеся проявили особый интересъ къ лекціямъ по исторіи французской революціи. На лекціяхъ красныхъ профессоровъ не хватало мѣста слушателямъ, молодыя горячія головы которыхъ, распаленныя талантливой рѣчью съ багровымъ оттѣнкомъ, не скоро успокаивались отъ только-что слышаннаго, проявляя это безпокойство при слѣдованіи толпою по улицамъ. Такъ сѣялись ядовитыя зерна, которыми учащаяся молодежь заражала рабочихъ фабрикъ и заводовъ, постепенно пересадившихъ ядъ и въ сельское населеніе, а затѣмъ и въ армію. Чтобы распатать вѣру, совершены были святотатства въ Курскѣ и Казани съ чудотворными иконами. Наконецъ, 9-го января 1903 г. священникъ Гапонъ привелъ 5.000 рабочихъ на площадь Зимняго дворца.

Одни считали, что это—явленія политическаго характера, другіе объясняли это обостреніемъ экономическихъ вопросовъ. Въ сущности же это были вѣрныя

Конный отрядъ генерала Ренненкампа въ русско-японскую войну¹⁾.

Боевая дѣятельность.

Рекогносцировка на м. Куаньденьесянь. Съ прибытіемъ въ Саймацзы мы были ознакомлены съ общимъ положеніемъ дѣлъ и съ задачей возложенной на нашъ отрядъ. Оказывается, — мы должны были выяснитъ группировку частей арміи Куроки, занимавшей Фыхуанченъ, обнаружить дальнѣйшія намѣренія японцевъ и, въ случаѣ ихъ наступленія на Ляоянь, опредѣлитъ направленіе ихъ движенія. Кромѣ того, конный отрядъ нашъ долженъ былъ служить завѣсой лѣваго фланга нашей арміи.

Отдыхать въ Саймацзы отряду не пришлось.

26-го апрѣля была предпринята усиленная рекогносцировка въ направленіи на м. Куаньденьесянь, занятого, по донесенію высланныхъ раньше разъѣздовъ, отрядомъ японцевъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія.

Выступили изъ Саймацзы въ 8 час. утра. Составъ рекогносцирующаго отряда: 3 сотни 2-го Нерчинскаго полка, 3 сотни 2-го Аргунскаго и 4 сотни 1-го Аргунскаго полковъ, а также 4-я Забайкальская казачья батарея.

Около 9 час. вечера отрядъ достигъ Шаогоулинскаго перевала. Артиллерія на этомъ громадномъ и трудно проходимомъ перевалѣ окончательно застряла и 3-мъ сотнямъ Нерчинскаго полка, шедшимъ сзади батареи, пришлось на рукахъ втаскивать орудія на переваль.

Послѣднее орудіе было поднято около 7 час. утра. Такимъ образомъ, чтобы перетащить 6-ть орудій, нужно было 3-мъ сотнямъ работать безъ сна, отдыха и пищи почти полсутки.

Это была первая трудовая ночь, когда мы, усталые и голодные, не только не могли хоть нѣсколько часовъ отдохнуть, но должны были еще цѣлую ночь перетаскивать орудія.

У меня въ дневникѣ описаніе этого трудового дня съ послѣдующей ночью было закончено слѣдующими заключительными словами: «...Единственное благоприятное явленіе въ этомъ движеніи и остановкѣ на ночь на перевалѣ для перетаскиванія орудій—это хорошая погода».

Окончательно перевалили къ Шаого около 11 час. утра, 27-го, гдѣ и остановились на отдыхъ.

Генералъ Ренненкампа, не дожидаясь батареи и занятыхъ ею сотенъ, около 8-ми час. утра отправился съ 3-мя сотнями къ Куаньденьесяню.

Не успѣли мы окончательно расположиться на необходимый и вполне заслуженный отдыхъ, какъ, около 12 ч. дня, было получено распоряженіе двинуться отряду обратно на Ай-ян-ямь. Отрядъ потянулся на переваль. Всѣ мы недоумѣвали. Впослѣдствіи оказалось, что генералъ Ренненкампа, произведя тремя сотнями рекогносцировку, обнаружилъ въ Куаньденьесянѣ значительныя силы и,

¹⁾ См. № 10 «В. Р. К.».

надо полагать, боясь сильного натиска (каковой и былъ), распорядился убрать за переваль артиллерію подъ прикрытіемъ 3-хъ сотенъ 2-го Нерчинскаго полка.

Около 11 ч. вечера отрядъ остановился на ночлегъ бивакомъ у р. Айхэ; начальникъ же отряда оставался съ аррьергардными сотнями у Шаого.

Намъ, рвавшимся въ бой, обидно было послѣ столькихъ трудовъ возвращаться, не слышавъ даже звука выстрѣловъ.

Вечеромъ 28-го апрѣля возвратились въ Саймацзы. Здѣсь во время нашего отсутствія была ложная тревога и обозы наши оказались отравленными за Феньшуйлинскій хребетъ. Тревога эта была результатомъ дѣятельности отдѣльныхъ разъѣздовъ, по донесеніямъ которыхъ японцы наступали на Саймацзы, минуя рекогносцирующій отрядъ, по долинамъ рр. Бадаохэ и Цаохэ.

Донесенія начальниковъ разъѣздовъ направлялись генералу Ренненкампу къ Куаньдёнсяню черезъ Саймацзы, и, такимъ образомъ, ихъ тревожный характеръ вызвалъ въ обозахъ чуть не панику. Съ другой же стороны, я полагаю, эти донесенія сыграли важную роль въ поспѣшномъ отходѣ рекогносцирующаго отряда изъ-подъ Куаньдёнсяня.

Это мое предположеніе подтверждается тѣмъ, что 29-го апрѣля генераломъ Ренненкампомъ были собраны всѣ офицеры отряда, причемъ, какъ значится у меня въ дневникѣ, генераль выразилъ, что офицеры—начальники разъѣздовъ—недостаточно серьезно относятся къ своимъ обязанностямъ, донося о пустякахъ и преувеличивая свѣдѣнія, чѣмъ и беспокоятъ совершенно напрасно отрядъ. «Когда мы были у Куаньдёнсяня,—сказалъ генераль,—то по донесенію офицерскихъ разъѣздовъ оказывалось, что мы совершенно окружены и отрѣзаны отъ Саймацзы».

Развѣдка по долиинѣ р. Бадаохэ. 2-го мая отрядъ, въ составѣ 10 сотенъ (2 сотни 2 Нерчинскаго, 5 сотенъ 2 Аргунскаго и 3 сотни 1 Аргунскаго полковъ), при 2-хъ орудіяхъ 4 Забайк. батареи, въ 7 часовъ утра выступилъ изъ Саймацзы къ Фынхуанчену по долиинѣ р. Бадаохэ, съ цѣлью усиленной рекогносцировки въ этомъ направленіи.

Дорога въ высшей степени трудно проходима, такъ какъ почти на каждой верстѣ приходилось проходить въ бродъ р. Бадаохэ, дно которой сплошь покрыто крупнымъ камнемъ.

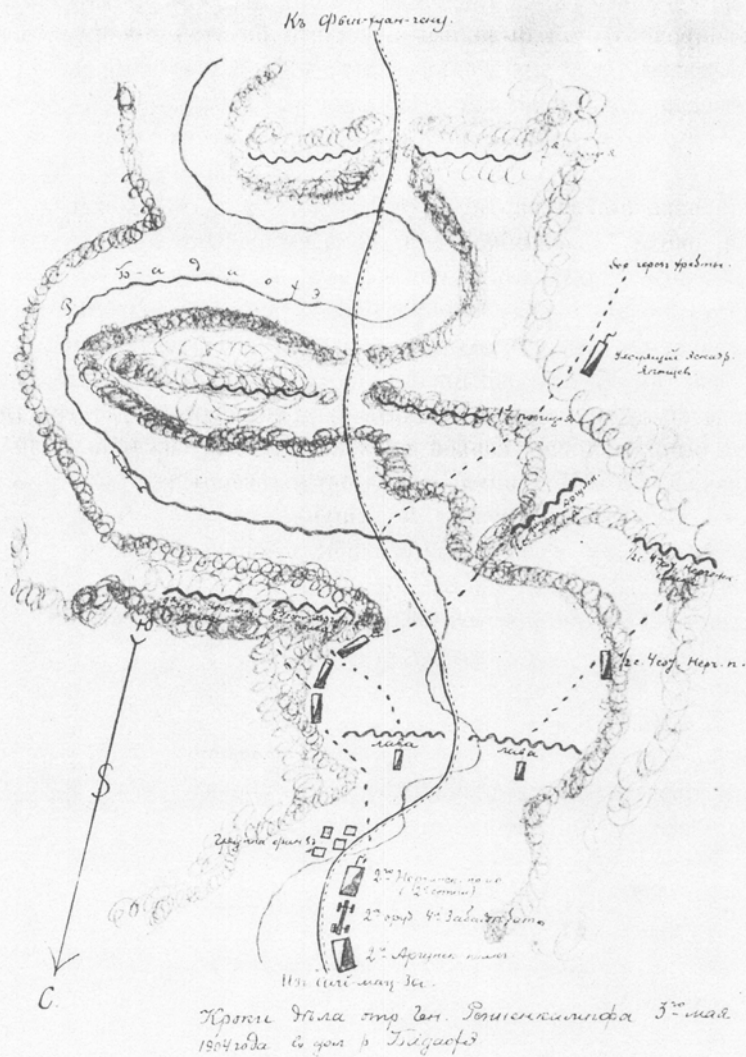
Отрядомъ пройдено за этотъ день около 40 верстъ, причемъ присутствія японцевъ обнаружено не было. Для ночлега отрядъ продвинулся на 5—6 верстъ обратно и расположился бивакомъ въ небольшой рошицѣ на берегу р. Бадаохэ. Охраненіе въ три стороны или, вѣрнѣе, во всѣ четыре.

3-го мая отрядъ выступилъ съ мѣста ночлега около 7 ч. утра и двинулся въ дальнѣйшее наступленіе.

Мы, Нерчинцы, были въ авангардѣ. Черезъ нѣкоторое время по выступленіи съ бивака, впереди послышались выстрѣлы, но вслѣдствіе густаго тумана совершенно нельзя было опредѣлить позицію противника. Двигаясь впередъ, подошли къ сотнѣ 2-го Аргунскаго полка, занимавшей по долиинѣ сторожевое охраненіе.

Въ виду постепенно усиливающейся стрѣльбы, авангардная сотня (2 Нерч. п.), а также сотня сторожевого охраненія (2-я 2-го Арг. п.) были разсыпаны въ лаву по долиинѣ. Прикрываясь лавой двухъ сотенъ, отрядъ продолжалъ наступленіе. 2-я сотня Нерчинцевъ въ это время двигалась въ колоннѣ за лѣвымъ флангомъ лавы, прикрываясь складками мѣстности.

Лично я былъ въ лавѣ 4-й сотни. Когда огонь противника началъ причинять сотнямъ лавы вредъ и опредѣлилась занятая японцами позиція (высота, преграждающая долину), 2-я Нерчинская сотня была спѣшена, заняла позицію (см.

кроки) и открыла огонь. Вслѣдъ за этимъ на ту же позицію была спѣшена собравшаяся къ лѣвому флангу лава 2-й сотни 2 Аргунск. полка. 4-я Нерчинская сотня, собравшаяся къ правому флангу, направлена на правый горный массивъ (см. кроки) на случай предупрежденія обхода нашего праваго фланга по горамъ.

Кромѣ того, для обстрѣливанія ближайшаго лѣваго фланга противника спѣшена еще 1/2 сотни 2 Аргунск. п., которая въ рѣдкой колоннѣ по одному (цѣпочкой) перешла въ бродъ рѣку (по поясъ) и поднялась на гребень.

Перестрѣлка на этой позиціи продолжалась не болѣе 30 мин., послѣ чего противникъ отступилъ.

Отрядъ повелъ дальнѣйшее наступленіе и выбивалъ японцевъ послѣдовательно еще съ двухъ позицій.

Съ наступленіемъ темноты отрядъ прекратилъ преслѣдованіе и, продвинувшись обратно до д. Санцзяцзы, остановился на ночлегъ.

Артиллерія и большая часть сотенъ участія въ дѣлѣ не принимали.

Рекогносцировкой этой было выяснено, что на этой дорогѣ почти до Фынхуанчена серьезныхъ силъ противника нѣтъ, долина же была занята только 2 р. цѣхоты и 1 эскадр. кавалеріи.

По пути преслѣдованія найденъ былъ наскоро преданный землѣ трупъ убитаго японца и нѣсколько брошенныхъ ранцевъ, очевидно, съ раненыхъ. Намъ же рекогносцировка стоила ранеными 8 казаковъ и 5—6 лошадей.

4-го мая, около 5 час. пополудни, подъ страшнымъ ливнемъ отрядъ вернулся въ Сайманзы, двигаясь подъ конецъ со скоростью не болѣе 3-хъ верстъ въ часъ.

Въ періодъ времени между 4 и 8 мая, кромѣ развѣдокъ ближними развѣздами и отдѣльными сотнями, была выслана, по предложенію командующаго арміей, серія развѣздовъ изъ охотниковъ въ тылъ противника въ направленіи на Фынхуанченъ и Куаньденысянь. Результаты и дѣйствія этихъ развѣздовъ, за малымъ исключеніемъ, были достойны всякой похвалы, но все свѣдѣнія были запоздалы и поэтому теряли цѣну. Половина развѣздовъ не вернулась.

Блестящая развѣдка подьесаула Казачихина (2-го Аргунск. полка), который, пробравшись къ самому Фынхуанчену, добылъ [полныя и подробныя свѣдѣнія о силахъ японцевъ и снялъ кроки Фынхуанченскихъ укрѣпленныхъ позицій, врядъ ли имѣла какіе-либо результаты въ смыслѣ использованія этой развѣдки нашей арміей.

Дѣльная и самоотверженная развѣдка развѣзда подьесаула Миллера (2-го Нерчинскаго п.) дала свѣдѣнія крайне запоздалыя и поэтому теряла свою цѣнность. Оба эти развѣзда были разсѣяны, и часть ихъ, оставшаяся въ живыхъ, больными отъ голоднаго тифа и ранеными попала въ плѣнъ.

Много поработало и большинство другихъ развѣздовъ.

Н. Анисимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вечернія сообщенія въ Офицерской Кавалерійской Школѣ.

Въ прошедшій зимній періодъ въ Оф. Кав. Школѣ, въ присутствіи генералъ-инспектора кавалеріи и его начальника штаба былъ сдѣланъ рядъ докладовъ, въ высшей степени интересныхъ по существу затронутыхъ ими вопросовъ и по формѣ ихъ изложенія.

Докладъ по Артиллеріи читалъ профессоръ полковникъ Бѣляевъ, блестяще изложивъ современное значеніе артиллеріи и послѣднія совершенствованія ея въ русской и иностранныхъ арміяхъ.

ствами, при которыхъ подобное вмѣшательство кавалеріи въ бой, въ особенности выгодное при открытіи огня во флангъ или тылъ противника, могло бы быть успѣшно при прежнемъ примѣненіи самостоятельныхъ кавалерійскихъ массъ.

М. А. Термонтовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Конный отрядъ генерала Ренненкампа въ русско-японскую войну¹⁾.

Развѣдка по долину р. Ай-хэ и дѣло у дер. Дану. 9-го мая сосредоточенный въ д. Ай-ян-ямьшъ отрядъ изъ 9-ти сотенъ (2¹/₂ 2-го Нерч., 4¹/₂ с. 2-го Аргунск. и 2 сотни 1-го Аргунск. п.) двинулся изъ Айянямыня въ долину р. Ай-хэ черезъ переваль Дапинцинъ. Ночлеги на 10-е мая у д. Шицзяпунзы. 10-го мая отрядъ повелъ наступленіе на дер. Шитоучень, занятую, по свѣдѣніямъ лазутчиковъ и донесеніямъ разъѣздовъ, отрядомъ противника силою около батальона пѣх., 2 эскадр. при 2 орудіяхъ.

Для наступленія отрядъ былъ раздѣленъ на двѣ колонны: 5 сотенъ (4¹/₂ 2-го Арг. и ¹/₂ 2-го Нерч. п.) подъ начальствомъ ген. Ренненкампа двинулись по долину р. Ай-хэ, а 4 сотни (2 2-го Нерч. и 2 1-го Аргунск. п.) подъ общей командой полковника Карцева—по тропамъ праваго горнаго массива, съ тѣмъ, чтобы, выждавъ завязку боя ген. Ренненкампомъ, ударить въ лѣвый флангъ противника.

Трудъ движенія по горнымъ тропамъ былъ напрасный, ибо японцевъ тамъ не оказалось. Бывшій въ Шитоученѣ эскадронъ, узнавъ о движеніи колонны, ушелъ, будучи замѣченъ только головными дозорами.

По соединеніи колоннъ, отрядъ остановился на ночлеги бивакомъ на берегу р. Ай-хэ.

11-го мая, около 7 час. утра, отрядъ повелъ дальнѣйшее наступленіе по дорогѣ на дер. Дану, которая, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, была занята японцами.

Дану прошли совершенно спокойно. Но лишь только авангардная сотня (1-го Арг. п.) выѣхала изъ деревни, какъ по ней былъ открытъ огонь съ очень близкаго разстоянія. Сотня рассыпалась въ лаву и продолжала наступать. Въ этотъ же моментъ генералъ Ренненкампфъ приказалъ 2-й и ¹/₂ 5-й сот. Нерч. полка, шедшимъ въ головѣ колонны, разомкнутыми рядами наметомъ выскочить изъ деревни къ правому горному массиву (см. кроки боя), спѣшиться, занять на гребнѣ позицію и выбить японцевъ огнемъ. На этомъ же гребнѣ заняла позицію и спѣшившаяся авангардная сотня.

Спѣшennыя Нерчинскія сотни (въ составѣ которыхъ имѣлъ честь быть и я) быстро взобрались на гребень и открыли, надо полагать, очень дѣйствительный огонь, такъ какъ японская цѣпь отхлынула за гребень и огонь ея значительно ослабѣлъ.

¹⁾ См. № 11 «В. Р. К.».

Тѣмъ временемъ весь отрядъ собрался въ выемку праваго горнаго массива, какъ единственному мѣсту, укрытому отъ выстрѣловъ.

Приблизительно черезъ полчаса горячей перестрѣлки—съ праваго фланга позиціи 2-й Нерч. сотни (см. кроки) мною было замѣчено, что японцы, скрываясь

за противоположнымъ гребнемъ, покрытымъ густымъ кустарникомъ, обходить нашъ правый флангъ.

Видя огромную опасность, которая угрожала отряду въ случаѣ занятія командующаго загиба гребня въ нашемъ тылу японцами, съ котораго совершенно безнаказанно можно бы было разстрѣлять коноводовъ и резервъ отряда.—я съ полусотней поднялся по гребню и занялъ загибающійся въ нашъ тылъ командующій гребень.

Лишь только мы поднялись, какъ увидели, что на полуподъемѣ къ этому гребню по мелкому кустарнику съ лихорадочною поспѣшностью поднимается цѣпь японцевъ около $\frac{1}{2}$ —1 роты. Моя позиція оказалась командующей, и я былъ для японцевъ почти укрытъ, въ то же время положеніе японцевъ было крайне невыгодное.

Восторгамъ казаковъ не было границъ, и мнѣ трудно было взять въ свои руки дисциплину огня: черезчуръ была близка и заманчива цѣль. Нѣсколько залповъ 40 винтовокъ, а затѣмъ пачечный огонь заставили японцевъ отхлынуть и залечь въ кустахъ. Японцы, видимо, цѣнили чрезвычайную важность занятаго мною гребня, и, несмотря на мой напряженный огонь, повели медленное наступленіе, поддерживаемое частымъ огнемъ. У меня начали выбывать раненые. Къ счастью, на мою учащенную стрѣльбу во-время обратили вниманіе, и мнѣ не пришлось дожидаться, когда мои 30 съ небольшимъ стрѣлковъ будутъ вынуждены встрѣтить пытки японской пѣхоты деревяннымъ прикладомъ казачьей винтовки... Ко мнѣ слѣдомъ поднялись сначала $\frac{1}{2}$ 5-й Нерч. сотни, а затѣмъ слѣшная сотня 1-го Аргунск. п. Такимъ образомъ, гребень былъ занятъ прочно и нашимъ сосредоточеннымъ огнемъ японцы были положительно сметены.

Подъ общимъ руководствомъ подполковника 1-го Аргунск. п., Яковлева, мы предприняли было наступленіе съ цѣлью захвата оставленныхъ на склонѣ въ кустахъ раненыхъ японцевъ, но были остановлены сильнымъ огнемъ съ противоположнаго гребня (см. кроки). На нашей же позиціи огонь этотъ не приносилъ намъ вреда, такъ какъ былъ, во-первыхъ, съ дальней, сравнительно, дистанціи, а во-вторыхъ, занятый нами гребень, благодаря крутости своей къ нашей сторонѣ, представлялъ изъ себя отличную естественную стрѣлковую позицію.

Въ виду того, что обходящія части японцевъ показались и въ правой долинь, и оттуда же появилась кавалерія (см. кроки), приказано было сотнямъ отходить. Во время отхода, для прикрытія нашего фланговаго движенія была разсыпана по долинь цѣпь стрѣлковъ по берегу рѣки, а на случай поддержки этой цѣпи стрѣлковъ, были каждую минуту готовы ринуться въ конномъ строю отходящія фланговымъ маршемъ сотни.

Духъ нашъ былъ отличный въ истинномъ значеніи этого слова. Мы вѣрили въ себя...

Рекогносцировкой этой выяснено, что на пути Шитоучень—Дану—Фынхуанчень противникъ имѣетъ сильный заслонъ: около 2 бат. пѣх. и 3 эскадр. кавалеріи.

Стоила эта рекогносцировка тяжело-раненымъ одного офицера (1-го Арг. п. сотникъ Улагай) и 12 нижнихъ чиновъ.

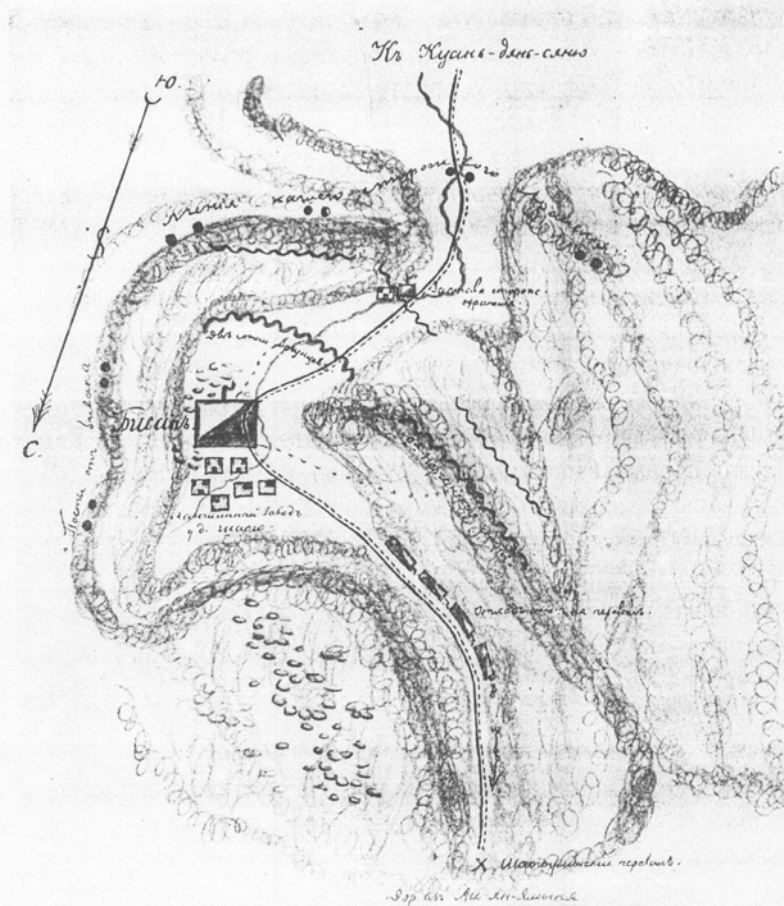
Послѣ боя отошли вверхъ по рѣкѣ Ай-хэ къ д. Лаобянгоу, гдѣ и остановились на ночлегъ (подъ дождемъ, голодные) на грязномъ бивакѣ.

Развѣдка къ Куаньдяньсяню и ночное дѣло у д. Шаого. 12-го мая съ ночлега у д. Лаобянгоу отрядъ, въ составѣ 7-ми сотенъ (3 сот. Нерч. и 4 сотни 2 Арг. п.), двинулся вверхъ по р. Ай-хэ черезъ д. Эрдаохэцзы на м. Куаньдяньсянь. Двѣ же сотни 1 Арг. полка были изъ Лаобянгоу отправлены въ Саймацзы съ транспортомъ раненыхъ.

Дорога отъ Лаобянгоу до Эрдаохэцзы на протяженіе около 30 в. идетъ по долинь р. Ай-хэ, при чемъ на всемъ своемъ протяженіи покрыта крупнымъ бу-

лыжнымъ камнемъ. На каждахъ двухъ верстахъ переходы въ бродъ съ одного берега рѣки на другой.

Около 7-ми час. вечера, перейдя Шаогоулинскій перевалъ, отрядъ остановился на ночлегъ бивакомъ въ небольшой рощицѣ у Ханшиннаго завода близъ

Крѣпк. полков. дѣла полков. отряда. Старшина Ротмы Камелова
у г. шаого въ ночь съ 12 на 13 мая 1904 г.

Шаого. Къ сторонѣ Куаньдяньсяня было выставлено сторожевое охраненіе (сотня Арг. п.). Какъ во время движенія къ Шаого, такъ и во время разстановки охраненія, японцевъ вблизи обнаружено не было.

Приблизительно около 10¹/₂ ч. вечера, когда на бивакъ были разведены костры и варилась пища, когда лошади были разсѣдланы и часть людей уже спала,—былъ услышанъ выстрѣлъ, произведенный, какъ можно было предположить, часовымъ нашего охраненія. На выстрѣлъ этотъ не было обращено никакого вниманія, да и не до этого было: такъ всѣ были голодны и утомлены, а въ ханшинномъ заводѣ были найдены кое-какіе продовольственные припасы.

Мы, напр., сидѣли въ это время кругомъ костра и жарили на палкахъ куски мяса.

Черезъ нѣкоторое время раздался второй выстрѣлъ, третій, а затѣмъ на нѣкоторое время полная тишина... Мы острили. Говорили, что часовые сторожевой сотни упражняются въ стрѣльбѣ по китайцамъ, съ цѣлью достать мяса на ужинъ. Острить, однако, пришлось не долго: по биваку былъ открытъ сильный пачечный огонь. Сѣдловка и сборъ по тревогѣ производились подъ сильнымъ жуткимъ свистомъ пуль, которыя, къ счастью, хотя и вѣрно направлялись по кострамъ, но были мало дѣйствительны, такъ какъ большей массой летѣли сверху, ударяясь о деревья роши и высокія стѣны и крышу ханшиннаго завода.

Ужасный свистъ пуль, почти абсолютная темнота, особенно послѣ свѣта отъ костровъ, породили въ нѣкоторыхъ сотняхъ безпорядокъ.

Въ эту ночь нашелся «офицеръ», котораго едва вытащили изъ-подъ кормушки (родъ нашей колоды; нашелся и «командиръ сотни», котораго удалось разыскать только тогда, когда отрядъ, отразивъ нападеніе, отошелъ за переваль.

Генераль Рейненкамифъ здѣсь, какъ и всегда, будучи примѣромъ дѣйствительно беззапятной храбрости, проявилъ исключительное самообладаніе, распорядительность и находчивость.

Впечатленіе неожиданнаго ночнаго нападенія было настолько сильно, что мы всѣ растерялись, закинулись безъ надобности въ разныя стороны и не догадались даже, что первымъ нашимъ дѣломъ было тушить костры...

Только голосъ начальника отряда былъ, какъ всегда, ровный и энергичный. Только онъ, даже противъ обыкновенія, спокойно и хладнокровно отдавалъ толковыя и умѣлыя распоряженія.

Только у него подъ страшнымъ свистомъ пуль могла притти мысль ровно и методично, какъ на парадѣ, поздороваться съ первой собравшейся сотней съ нѣкоторыми промежутками до 7—8 разъ и дать этимъ знать близко находящемуся врагу, что онъ имѣетъ дѣло уже съ 7—8 собравшимися по тревогѣ и выстроенными сотнями. Я уже не буду говорить, какъ воодушевляюще дѣйствуетъ такое поведеніе начальника въ критическую минуту боя на подчиненныхъ.

Видя передъ собой такого начальника, первы постепенно успокаиваются, опасность отходить на задній планъ, является увѣренность въ своихъ силахъ...

Такъ было и здѣсь. Большинство сотенъ быстро собрались въ полнѣйшемъ порядкѣ.

Двѣ сотни Аргунцевъ были съ мѣста разсыпаны въ цѣль, выдвинулись по направленію выстрѣловъ и открыли огонь вверхъ по гребню.

2-й Нерчинской сотнѣ доблестнаго Нижегородца есаула князя Меликова (въ составѣ которой былъ и я) было приказано сѣсть на коней и широкимъ наметомъ, не жалѣя лошадей, подняться на правый гребень (см. кроки), висѣвшій надъ дорогой, по которой мы должны были отходить. Подъемъ на гребень былъ чрезвычайно крутой, такъ что лошади могли довести насъ только на $\frac{2}{3}$ высоты, гдѣ мы и вынуждены были спѣшиться.

Оставивъ коноводовъ на крутомъ скатѣ, мы быстро достигли гребня. Противоположный скатъ былъ чистый и, если прилечь къ землѣ, видно было примѣрно на 100—150 шаговъ.

Внизу у Аргунскихъ сотенъ шла сильная стрѣльба. У насъ же было тихо. Черезъ нѣкоторое время князь Меликовъ, бывшій на лѣвомъ флангѣ цѣпи, прислалъ ко мнѣ казака съ извѣщеніемъ, что съ лѣваго фланга видно, какъ

японцы густой цѣпью поднимаются на занятый нами гребень, и приказаль мнѣ не открывать огня до тѣхъ поръ, пока не откроетъ онъ, при чемъ приказывалось также соблюдать въ полусотнѣ строжайшую тишину. Я всмотрѣлся въ темноту и увидалъ, дѣйствительно, черную полосу на полугорѣ, но сказать, рѣшить, что это цѣпь, а не что-либо другое—было трудно. Даже отличающіеся зоркостью забайкальцы не могли опредѣлить. Такое положеніе было, однако, нѣсколько минутъ, послѣ чего былъ уже слышенъ шорохъ и отрывистыя вполголоса команды японцевъ. Мы приготовились, направивъ дула винтовокъ въ эту черную, движущуюся на насъ массу.

Командиръ сотни огня не открывалъ. Я начиналъ безпокоиться, боясь безъ выстрѣла дожидаться японскихъ штыковъ.

Но, вотъ, грянулъ залпъ... Я не замедлилъ сдѣлать то же самое. Послѣ первыхъ же залповъ японцы открыли беспорядочный огонь по занятому нами гребню снизу, а затѣмъ скрылись въ темнотѣ. Насколько дѣйствителенъ былъ нашъ огонь, сказать, конечно, трудно, но думается, что японцы до десятка труповъ оставили на полугорѣ.

Внизу стрѣльба также прекратилась. Черезъ нѣкоторое время былъ поданъ сигналъ «отступленіе».

Послѣдняя прикрывающая сотня (2-я Нерч. п.) перевалила черезъ хребетъ около 3 час. пополудни.

Во время прохода отряда черезъ переваль, на вершинѣ послѣдняго трубаками Нерчинскаго полка былъ исполненъ народный гимнъ, послѣ чего громовое «ура» сотенъ широко и грозно раскатилось въ ночной тишинѣ по окрестностямъ Шаого.

За переваломъ оказался потерявшійся командиръ сотни. Оказывается, онъ съ частью людей своей сотни, лошади которыхъ къ моменту тревоги были по какой-то причинѣ не разсѣдланы (кажется, только что вернушіеся фуражиры), послѣ первыхъ же выстрѣловъ по биваку бросилъ сотню, не предупредивъ даже младшаго офицера, и уѣхалъ за переваль. Онъ объяснилъ, что считалъ очень важнымъ освѣтить путь нашего отхода...

За этотъ «подвигъ» получилъ предупрежденіе, что если онъ и въ будущемъ проявитъ «иниціативу» въ такомъ же направленіи, то рискуетъ быть отрѣшеннымъ отъ командованія сотней, что съ нимъ не замедлило и случиться.

Мы потеряли въ этомъ дѣлѣ ранеными 3-хъ ниж. чиновъ. Здѣсь сказалась вся несостоятельность, ночной стрѣльбы вообще, а также, какъ обманчивъ былъ для японцевъ свѣтъ отъ костровъ, прицѣливаясь по которымъ, они направляли свои выстрѣлы значительно выше, чѣмъ это слѣдовало.

Остатокъ ночи провели въ 5—6 в. отъ перевала, держа лошадей въ поводу.

13-го мая, около 10 ч. утра, пришли въ Айянямынь, гдѣ и остановились на дневку.

Н. Анисимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вѣстникъ Русской Конницы

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ГОДЪ 8 РУБ.

Иллюстрированный журналъ, издаваемый два раза
въ мѣсяцъ, съ разрѣшенія Генераль-Инспектора Кавалеріи,
при офицерской Кавалерійской школѣ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ
== ИЗДАНІЯ. ==

Рекомендованъ для войсковыхъ библиотекъ Комитетомъ по образованію войскъ.
(Циркул. Гл. Шт. 1906 г. №№ 199 и 467 и 1908 г. № 18).

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи:
С.-Петербургъ, Чесменская ул., д. № 2 (по Шпалерн.), отъ 12—5 час. ежедневно.

№ 13.

Среда, 15-го Іюля.

1909 г.

Конный отрядъ генерала Ренненкампа въ русско-японскую войну¹⁾.

Дѣло у дер. Айянямынь. 14-го мая отрядъ стоялъ квартиро-бивакомъ у дер. Айянямынь. Такъ какъ въ этомъ пунктѣ предполагалось дать дневку, то около 9-ти час. утра были высланы по полусотнѣ отъ каждой сотни на фуражировку.

Лишь только фуражиры выѣхали изъ Айянямыня, какъ была услышана стрѣльба въ сторожевомъ охраненіи, и почти одновременно получено донесеніе о наступленіи японцевъ. Фуражиры возвращены. Сотнямъ приказано приготовиться къ выступленію. Рѣшено принять бой. Перестрѣлка въ охраненіи усиливалась.

Выйдя изъ Айянямыня, отрядъ занялъ позицію; сторожевое же охраненіе, блестяше выполнившее свое назначеніе—задержать противника и дать время развернуться отряду—отходило подъ напоромъ японцевъ, задерживаясь за мѣстными предметами. Лихой командиръ сторожевой сотни, подьесауль Шундѣевъ (Аргунскаго п.), будучи раненъ въ ногу, не оставилъ своего поста—командира сотни, до окончанія боя.

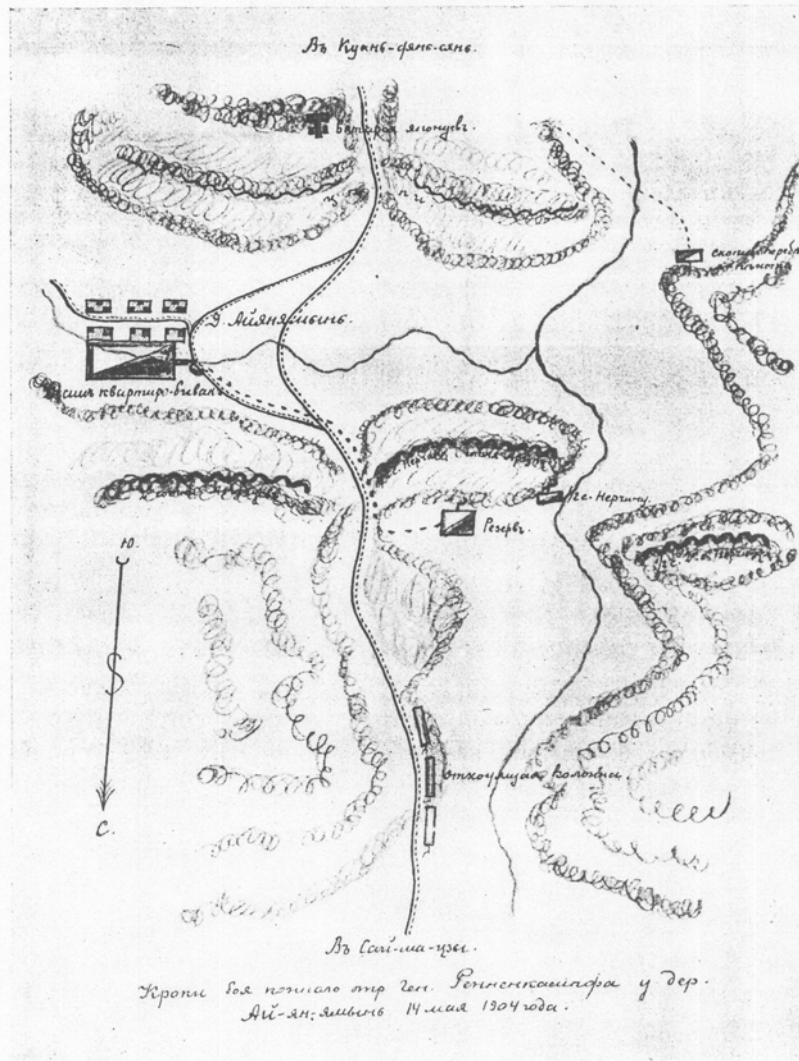
На позиціи (см. кроки) спѣшны двѣ сотни Аргунцевъ и 4-я сотня Нерчинцевъ. Къ этимъ же сотнямъ присоединилась и отошедшая сотня сторожевого охраненія. Три сотни (2-я и 5-я Нерчинск. и одна Аргунск. п.) составили резервъ.

Во время сильной перестрѣлки съ обѣихъ сторонъ было замѣчено намѣреніе японцевъ обойти нашъ правый флангъ, для предупрежденія чего и была выдѣлена на правый флангъ 2-я сотня Нерчинцевъ.

Для исполненія задачи командиръ сотни принимаетъ такое рѣшеніе: самъ съ полусотней въ конномъ строю становится укрыто за правымъ флангомъ, чтобы,

¹⁾ См. № 12 „В. Р. К.“.

согласно приказанія ген. Ренненкампфа, принять обходящаго по долинѣ противника въ шашки; полусотню же подъ моей командой спѣшивааетъ и посылаетъ занять гребень горы вѣн нашего фланга и нѣсколько сзади. Я занялъ гребень и встрѣтилъ обходящаго по долинѣ противника огнемъ съ дальней дистанціи. Японцы отошли и укры-

лись за выступъ (см. кроки), не открывая по мнѣ огня. За свою поспѣшность въ открытіи огня доблестный командиръ сотни, кн. Меликовъ, сдѣлалъ мнѣ по окончаніи боя замѣчаніе, говоря, что нужно было бы выждать открытіемъ огня; слѣдовало подпустить обходящія части на вѣрный выстрѣлъ, разстроить ихъ неожиданнымъ огнемъ, а онъ бы довершилъ поражение въ конномъ строю. Онъ былъ глубоко правъ. Мы пропустили одинъ изъ счастливыхъ случаевъ конной атаки, и былъ въ этомъ виновенъ я. Я долго потомъ думалъ, какъ я самъ этого не могъ видѣть, тѣмъ болѣе, что моя полусотня даже не была обстрѣливаема. Мнѣ было обидно за себя...

На фронтѣ японцы повели атаку на спѣшенныя сотни, но дружнымъ огнемъ были остановлены и вынуждены уйти назадъ за гребень, откуда продолжали усиленно обстрѣливать наши позиціи.

Японцы убѣдились, что огнемъ сбить наши сотни имъ не удастся; не удалась также попытка атаковать—и, вотъ, мы въ первый разъ получаемъ здѣсь крещеніе артиллерійскимъ огнемъ: 4 японскихъ орудія начинаютъ обстрѣливать занятыя спѣшенными сотнями позиціи.

Вскорѣ я увидаль, что отрядъ началъ сниматься съ позиціи и отходить. Я получилъ черезъ казака приказаніе спуститься съ гребня и составить аррьергардъ отходящаго отряда.

Артиллерійская стрѣльба прекратилась.

Спустившись съ гребня, я не нашель своихъ коноводовъ. Перешель черезъ рѣчку по колѣно, иду дальше, а коноводовъ все нѣтъ. Сзади видны отдѣльные всадники японцевъ. Я рассыпаль полусотню въ цѣпь и началъ отходить цѣпью, поддерживая огонь одиночными стрѣлками. Коноводовъ все нѣтъ... Быль моментъ, когда я чувствовалъ, что одинъ полуэскадронъ японцевъ, выдвинутый за нами, могъ уничтожить моихъ 40 пѣшихъ казаковъ. Къ счастью, этого не случилось. Потомъ, впрочемъ, я убѣдился, что это и не могло бы случиться. Я скорѣ увидаль, что одинъ изъ выступовъ гребня по нашему пути отхода былъ занятъ цѣпью стрѣлковъ. Оказывается, командиръ сотни, видя, что я шествую пѣшкомъ и отстрѣливаюсь, немедленно остановился, рассыпаль цѣпь и каждую минуту былъ готовъ поддержать меня огнемъ.

Находчивость и глубокое пониманіе военного дѣла кн. Меликовымъ были въ теченіе всей кампаніи его отличительными качествами.

Но, вотъ, показались и мои коноводы. Оказывается, когда я спѣшился и пошелъ на гребень, то командиръ сотни приказаль уряднику отвести коноводовъ нѣсколько назадъ и остановиться возможно укрыто. Командующій коноводами, въ погонѣ за этимъ укрытымъ мѣстомъ, отвель коноводовъ больше версты. Я глубоко убѣжденъ, что, уводя такъ далеко коноводовъ, урядникъ старался только точно исполнить приказаніе, такъ какъ отъ перелетныхъ пуль вполнѣ укрытаго мѣста не было вблизи, и такъ какъ знаю этого урядника за безукоризненно храброго и исполнительнаго. Поэтому я заступился за него, но тѣмъ не менѣ командиръ сотни высказаль ему нѣсколько обидныхъ его самолюбію предположеній... Мнѣ было жаль урядника.

Остававшійся для наблюденія за противникомъ разъѣздъ хорунжаго Рышкова (Арг. п.) преслѣдовалъ мимо нашего аррьергарда. Японцы не преслѣдовали.

Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли ранеными двухъ офицеровъ: подьесаула Шундѣева, раненнаго въ ногу, и лихого конно-артиллериста, бывшаго при штабѣ генерала, поручика Толузакова, раненнаго тяжело въ пахъ. Нижнихъ чиновъ 8.

Поздно вечеромъ возвратились въ Саймацзы.

16-го мая, въ виду наступленія японцевъ, отрядъ безъ боя оставилъ Саймацзы и 17-го числа прибыль въ Цзян-чань.

Точную цѣль этого движенія я не знаю, но мнѣ казалось, что начальникъ отряда, можетъ быть, на ряду съ другими какими-нибудь причинами, хотѣль дать нѣсколько дней отдыха голоднымъ и крайне утомленнымъ сотнямъ. Цзян-чань представляль изъ себя, въ сравненіи съ Саймацзы, богатое мѣстечко, гдѣ можно

было нѣсколько дней доставать кое-какой фуражъ и нѣкоторые предметы продовольствія.

17-го же числа ген. Ренненкампфъ съ одной сотней отправился изъ Цзян-чаня въ Сяосырѣ, гдѣ въ это время стояли баталіонъ пѣхоты и 1-й Аргунскій полкъ. Цѣль этой поѣздки намъ не была извѣстна.

Дѣло на Фэншуйлинскомъ перевалѣ. Отдохнуть сотнямъ въ Цзян-чанѣ не пришлось. 18-го мая, рано утромъ, изъ Сяосыра генералъ прислалъ приказаніе выступить отряду на Саймацзы, при чемъ сообщалось, что онъ самъ съ 1-мъ Аргунскимъ полкомъ двинется къ Саймацзы изъ Сяосыра.

Цѣль—выбить японцевъ, которые, по донесеніямъ разъѣздовъ, занимали Саймацзы значительными силами. Бой у Саймацзы предполагалось дать 19-го мая около часу дня, къ каковому времени и должны были подойти къ Саймацзы обѣ колонны: одна съ сѣвера—отъ Сяосыра, а другая съ сѣверо-востока—отъ Цзянь-чаня. Наша колонна въ составѣ 8 сотенъ (3 сотни Нерч. и 5 сот. Арг. п.) подъ командой генерала Любавина, выступивъ изъ Цзян-чаня въ 8 час. утра, около 3-хъ час. пополудни поднялась на Фэншуйлинскій перевалъ (см. кроки). На перевалѣ этомъ находилась въ охраненіи сотня 2-го Аргунскаго полка, командиръ которой (офицеръ гвардейской кавалеріи) доложилъ, что японцевъ ближе Саймацзы нѣтъ, и что, во всякомъ случаѣ, за 10 верстъ кругомъ онъ ручается.

Рѣшено сдѣлать здѣсь большой приваль.

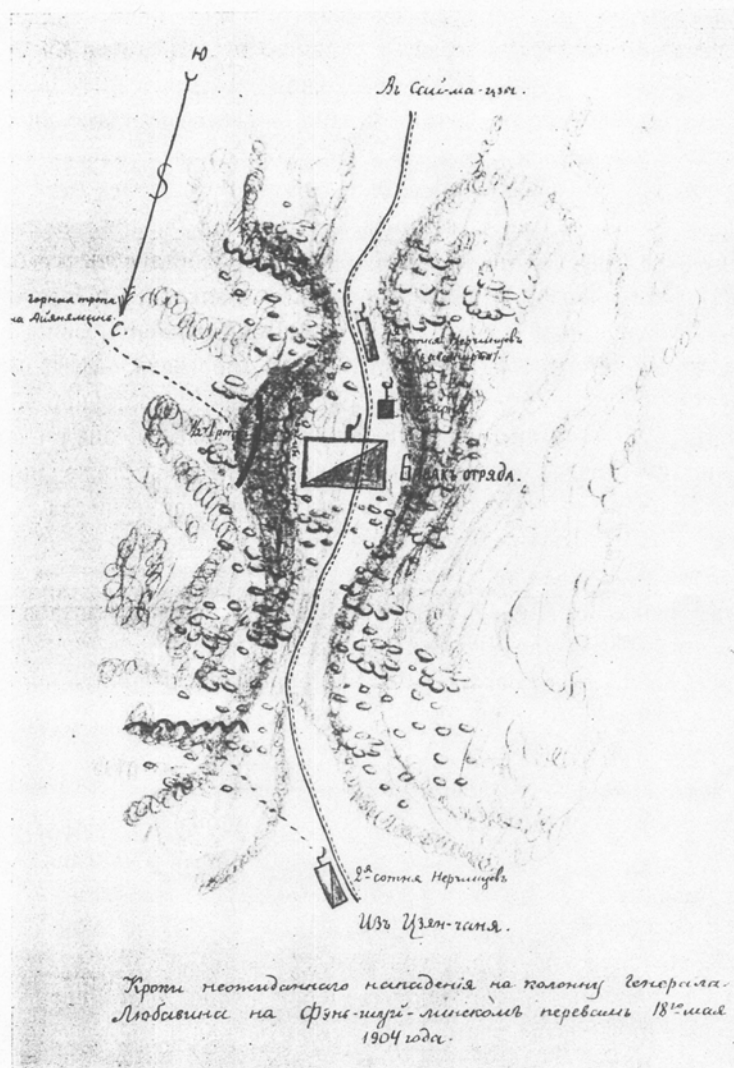
Сотни расположились въ резервной колоннѣ тѣснымъ бивакомъ на имѣющей на перевалѣ небольшой ровной площадкѣ. Мѣсто это въ моемъ дневникѣ описано такъ: «мѣсто бивака—чистая площадка на возвышенности у самой дороги; съ двухъ сторонъ высокія, нависшія надъ дорогой и мѣстами совершенно недоступныя горныя скалы, покрытыя густымъ кустарникомъ или лѣсомъ. Съ этихъ возвышенностей бивакъ долженъ быть виденъ, какъ на ладони. Впереди и сзади бивака покрытыя лѣсомъ спуски съ перевала».

Мы какъ будто ожидали чего-то недобраго, и подозрительно посматривали на возвышающіяся надъ нами скалы. Говорили, что случайно взобравшаяся туда полурота японцевъ имѣла бы возможность совершенно безнаказанно разстрѣливать насъ, пока мы не укрылись бы въ лѣсу. Нѣкоторые предложили было послать на лѣвныя сопки постъ, но командиръ сотни (бывшей на перевалѣ въ охраненіи) увѣрялъ, что опасаться совершенно нечего. Надо сказать, что охраненіе этой сотни стояло впереди перевала и частью только на самомъ перевалѣ,—на горахъ же не было никого.

Только что мы расположились на бивакѣ: люди кипятили и пили чай, лошади были привязаны на импровизированныхъ коновязахъ, при чемъ у послѣднихъ подпруги были ослаблены, выюки сняты, мы, офицеры, группами сидѣли и лежали около чайниковъ - котелковъ и пили горячую воду, называемую чаемъ,—какъ съ лѣвой стороны нашего расположенія (см. кроки) совершенно неожиданно раздался густой залпъ по биваку, потомъ второй, третій... и стрѣльба пачками... Этими залпами съ близкаго разстоянія въ тѣсную массу людей и лошадей былъ произведенъ на бивакѣ полный хаосъ, какого я не видалъ ни до, ни послѣ этого. Большая часть людей, схвативъ винтовки, во главѣ съ офицерами, съ крикомъ «ура» бросилась на выстрѣлы, часть подъ градомъ сыпавшихся пуль ловила бросающихся въ разныя стороны лошадей и навьючивала ихъ, а также собирала иму-

щество, разбрасываемое скачущими во всѣхъ направленіяхъ вьючными лошадьми, и, наконецъ, остальная незначительная часть бросилась съ перевала внизъ или за ускокавшими лошадьми, или просто, въ силу инерціи, въ сторону противоположную отъ выстрѣловъ.

Я, какъ адъютантъ, послѣ перваго же залпа инстинктивно бросился къ знамени и бывшему случайно съ нами денежному ящику. Почти одновременно подскочили къ знамени знаменщикъ, ассистентъ, карауль и часть казаковъ сотни, при которой было знамя. Часовой у знамени былъ убитъ первымъ же залпомъ, свали-

лась тяжело раненая и лошадь изъ-подъ денежнаго вьюка. Я приказывалъ не кучиться. Моментомъ сняли съ лошади денежный ящикъ и понесли на рукахъ; понесли и знамя.

Вынеся знамя и денежный ящикъ изъ-подъ значительно уже ослабѣвшихъ выстрѣловъ, я вернулся къ мѣсту бивака верхомъ—оно было пусто: только бив-

шіяся въ предсмертныхъ судорогахъ лошади и нѣсколько неубранныхъ еще труповъ убитыхъ казаковъ напоминали, что здѣсь нѣсколько минутъ назадъ безопасно раскинулся бивакомъ казачій отрядъ. Стрѣльба японцами велась уже рѣдкая. По биваку разѣзжалъ верхомъ генераль Любавинъ, а недалеко отъ него стоялъ за деревомъ командиръ Нерчинскаго полка. Генераль—этотъ почтенный старикъ и храбрѣйшій воинъ, взволнованно дѣлалъ выговоръ моему к-ру, говоря, что ни командиры полковъ, ни командиры сотенъ не сумѣли удержать людей въ своихъ рукахъ.

При всемъ моемъ глубококомъ уваженіи къ генералу Любавину, я долженъ сказать, что это начальникъ, подкупающій только *одной* личной храбростью. У него нѣтъ той силы обаянія, которая заставляетъ массу подчиненныхъ слѣпо идти за своимъ вождемъ. Былъ бы генераль Ренненкампфъ, не было бы и того незначительнаго безпорядка, который здѣсь произошелъ. Впрочемъ, генераль напрасно и горячился: $\frac{4}{5}$ офицеровъ и нижнихъ чиновъ мужественно дѣлали свое дѣло и только $\frac{1}{5}$ часть хлынула вразбродъ, да и то, въ большей части, въ погонѣ за скачущими, какъ я уже сказалъ выше, лошадьми.

Безпорядокъ былъ только кажущійся.

Бросившіяся съ фронта части хотя не могли достигнуть гребня, занятаго японцами, такъ какъ таковой отдѣлялся глубокой балкой съ отвѣсными скатами, но огонь ихъ, безспорно, имѣлъ громадное моральное значеніе. 1-я сотня Нерчинцевъ, бывшая въ авангардѣ на переднемъ склонѣ перевала, предводимая своимъ храбрымъ командиромъ, есауломъ Энгельгардтомъ, мужественно бросилась къ гребню и открыла по занятой японцами сопкѣ фланговый огонь съ довольно близкаго разстоянія (см. кроки). Сзади была слышна стрѣльба тоже по японцамъ—это 2-я сотня Нерчинцевъ съ своимъ лихимъ командиромъ, шедшая на присоединеніе къ намъ отъ Синкайлинскаго перевала, слѣшила и пошла во флангъ японцамъ.

Генераль Любавинъ приказалъ мнѣ найти начальника штаба, полковника Россійскаго—этого храбрѣйшаго офицера генеральнаго штаба, которому и передать приказаніе о сборѣ отошедшихъ частей у подошвы Фэншуйлина. Приказаніе я исполнилъ скоро и вернулся къ мѣсту бивака доложить. Генераль упорно не хотѣлъ уходить отсюда.

Стрѣльба прекратилась. Японцы были прогнаны.

Отрядъ собрался подъ Фэншуйлиномъ, куда принесли всѣхъ убитыхъ и раненыхъ, а затѣмъ отошли и остановились бивакомъ у д. Гуаньди.

Въ довершеніе всего, дождь и грязь на бивакѣ.

Потери: ранено 2 офицера и 1 врачъ; нижнихъ чиновъ убито 6, ранено 17. Лошадей осталось на мѣстѣ бивака убитыми около 30.

Вотъ яркій примѣръ послѣдствій отъ неосторожности и неисполненія требованій устава. Примѣръ безопасности и легкаго отношенія къ дѣлу командира сотни сторожевого охраненія.

19-го числа, послѣ ночлега у д. Гуаньди, колонна, соблюдая на этотъ разъ строжайшія мѣры охраненія, двинулась на Саймацзы, куда и прибыла около 4 часовъ пополудни. Тамъ, вмѣсто японцевъ, нашли генерала Ренненкампфа съ сотнями 1-го Аргунскаго п. и конно-охотнич. командой Стрѣтенскаго полка.

Время съ 20 по 23-е мая проведено въ Саймацзы, при чемъ за это время производилась подъ личнымъ руководствомъ н-ка отряда рекогносцировка 3-мя

сотнями въ направленіи на Айянямынь. Оказалось, что японцы занимали Синкайлинскій переваль (въ 10—12 верст. отъ Саймацзы къ Айянямыню).

Нерчинскихъ сотенъ въ этой рекогносцировкѣ не было, почему и я не былъ личнымъ участникомъ въ таковой.

Движеніе къ Цзян-чаню. 24-го мая, около 7 час. утра, отрядъ въ составѣ 9-ти сотенъ (5 Нерч. и 4 Арг.) двинулся изъ Саймацзы къ Цзян-чаню.

Около же Саймацзы остался выдвинутый съ Финшуйлина (сѣвернаго) 23-й В.-Сиб. стр. полкъ съ батареей и 2 сотни 1-го Аргунскаго полка.

Причину нашего движенія я узналъ только вечеромъ, по остановкѣ на почлегѣ у д. Гуаньди.

Оказывается, ген. Ренненкампомъ были получены изъ Цзян-чаня свѣдѣнія, что находившаяся тамъ сотня 2-го Читинскаго полка подъ напоромъ японцевъ оставила Цзян-чань и отошла на сѣверъ. Мы и шли выбивать изъ Цзян-чаня японцевъ.

25-го, утромъ, въ Цзян-чань мы нашли, вмѣсто японцевъ, Читинскую сотню, вернувшуюся уже туда обратно.

Насколько серьезенъ былъ проступокъ командира этой сотни въ связи съ общимъ ходомъ дѣлъ, я, конечно, судить не могу,—но онъ былъ отрѣшенъ отъ должности, а сотня передана его младшему офицеру, который, будучи въ разѣздѣ, и донесъ командиру сотни, что на Цзян-чань двигаются цѣлыя полчища японцевъ и, поэтому, настоялъ на оставленіи Цзян-чаня.

Н. Анисимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На парфорсной охотѣ.

Вѣстникъ Русской Конницы

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ГОДЪ 8 РУБ.

Иллюстрированный журналъ, издаваемый два раза въ мѣсяцъ, съ разрѣшенія Генераль-Инспектора Кавалеріи, при офицерской Кавалерійской школѣ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ
== ИЗДАНІЯ. ==

Рекомендованъ для войсковыхъ бібліотекъ Комитетомъ по образованію войскъ.
(Циркул. Гл. Шт. 1906 г. №№ 199 и 467 и 1908 г. № 18).

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи:
С.-Петербургъ, Чесменская ул., д. № 2 (по Шпалерн.), отъ 12—5 час. ежедневно.

№ 14.

Четвергъ, 30-го Іюля.

1909 г.

Конный отрядъ генерала Ренненкампа въ русско-японскую войну¹⁾.

Развѣдка въ направленіи на Малюпау и Сипингай. Какъ бы то ни было, а сильный развѣздъ японцевъ со стороны Сипингай подходилъ къ Цзян-чану, что и было причиной вр. отхода бывшей тамъ сотни; поэтому, какъ мнѣ кажется, генераль Ренненкампа рѣшилъ произвести въ этомъ направленіи болѣе широкую развѣдку, чтобы быть за этотъ районъ спокойнымъ.

27-го мая были выдвинуты на Малюпау и Сипингай три сотни (1 Перч. и 2 Арг.) подъ начальствомъ подполковника Хрулева, но сотни эти къ Сипингаю допущены не были. Тогда, 29-го мая, генераль предпринялъ рекогносцировку въ этомъ направленіи со всѣми остальными сотнями, оставивъ только 4-ю Перч. сотню для охраненія въ сторону Саймацзы.

Отрядъ пошелъ по, такъ называемой, прямой дорогѣ, которая въ сравненіи съ кружной, но болѣе лучшей дорогой, сокращала путь верстъ на 20-ть (съ 60-ти на 40).

Вель проводникъ—китаецъ.

Что это за дорога—можно судить по тому, что весь почти путь мы не сядились на лошадей, а вели ихъ въ поводу. При движеніи только и дѣлали, что по пѣшеходнымъ тропамъ карабкались на хребты и спускались съ нихъ. Конца этимъ покрытымъ лѣсомъ хребтамъ, какъ будто, и не предвидѣлось. Но, вотъ, около 8 час. вечера, подъ страшно сильнымъ дождемъ, мокрые до нитки, спустились съ неимоверной высоты и крутизны хребта въ довольно широкую долину; по дну которой разбросано нѣсколько группъ фанзъ.

¹⁾ См. «В. Р. К.» № 13.

Оказывается—это Малюпау.

Здѣсь были и раньше высланныя сотни, которыхъ генераль къ ночи же выдвинулъ къ Сипингаю.

Остановились на ночлегъ.

Утромъ 30-го мая, около 5—6 ч., отрядъ двинулся къ Сипингаю. Сначала взяли, было, невѣрное направленіе, вернулись и пошли въ другомъ направленіи, но не прошли и 7—8 в., какъ было получено донесеніе, что Сипингай свободенъ. По показанію жителей оказывалось, что тамъ была 1 рота пѣхоты и около эскадрона кавалеріи, которые, узнавъ отъ китайцевъ о движеніи къ Сипингаю сильной колонны, ушли внизъ по р. Ай-хэ. Развѣзды этого эскадрона, поддерживаемые пѣхотой, и встрѣчались на пути къ Цзян-чаню съ развѣздами Читинской сотни.

Отрядъ двинулся обратно къ Цзян-чаню, куда и прибылъ 31-го мая.

Какъ ни казалась на первый взглядъ безцѣльной эта рекогносцировка цѣлымъ отрядомъ, на которую пришлось потратить столько времени и силъ, но она выяснила, что въ данномъ районѣ серьезныхъ силъ, могущихъ угрожать Цзян-чаню, нѣтъ. Мало этого—стало яснымъ, что операціи болѣе или менѣе значительнаго отряда здѣсь были немыслимы. Мелкой же развѣдкой, и даже развѣдкой нѣсколькихъ сотенъ установить это не удавалось.

Въ Цзян-чанѣ узнали, что оставшіійся у Саймацзы отрядъ, 25-го мая, послѣ жаркаго дѣла, былъ оттѣсненъ на сѣверъ.

Изъ Цзян-чаня посланы 2 сотни (1-я и 2-я Нерч.) въ Сяосыррь, для усиленія отряда полковника Трухина. 4-го іюня генераль предпринялъ движеніе на Саймацзы съ цѣлью усиленной развѣдки.

Мелкая развѣдка давала мало свѣдѣній, несмотря на самоотверженную дѣятельность большинства высылаемыхъ развѣздовъ. За эти дни въ развѣдкѣ на Саймацзы и Айянямынь былъ убитъ хорунжій Козловъ (Аргунск. п.) и серьезно раненъ лихой развѣдчикъ, подьесаулъ Аничковъ (Нерч. полка).

Въ Цзян-чанѣ оставлена только одна сотня.

5-го іюня, къ нашему удивленію, мы совершенно свободно вошли въ Саймацзы. Жители говорили, что японцы были въ Саймацзы въ довольно значительныхъ силахъ (отрядъ изъ 3-хъ род. оружія), но почему-то ушли обратно за Синкайлинскій переваль—къ Айянямыню. Становилось яснымъ, что бой 25-го мая съ 23 стр. полкомъ и дальнѣйшее удерживаніе за собой Саймацзы были не что иное, какъ усиленная рекогносцировка. Кромѣ того, въ Саймацзы оставаться вообще не выгодно, такъ какъ здѣсь полное отсутствіе удобныхъ позицій для боя съ цѣлью обороны и удержанія этого пункта за собой.

Бой у д. Айянямынь (усиленная рекогносцировка). Совокупной развѣдкой, т.-е. развѣдкой малыхъ развѣздовъ, направляемыхъ въ тылъ японцамъ, свѣдѣніями, получаемыми черезъ шпионовъ, и, наконецъ, усиленными рекогносцировками, къ 1-му числамъ іюня безспорно было установлено, что армія Куроки на восточномъ фронтѣ расположилась на оборонительной позиціи двумя группами: одна—(главныя силы) занимала позицію—сильно приведенную въ оборонительное состояніе—у Фынхуанчена, а другая—занимала Куаньдяньсянь. Обѣ эти группы были связаны между собою сообщеніями и дѣйствовали по единой волѣ. Было также видно, что японцы за этотъ періодъ времени вели оборонительный образъ дѣйствій и намѣреній къ наступленію на Ляоянь не обнаруживали.

Можно было судить, что они готовятся къ наступленію, пополняя армію солдатами, продовольственными и огнестрѣльными припасами, устраивая базу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, можно было почти увѣренно сказать, что этого наступленія ни 1-го, ни 5-го и даже ни 10-го іюня не будетъ.

Къ этому времени, по моему мнѣнію, не былъ выясненъ только одинъ очень важный вопросъ,—вопросъ, разрѣшеніе котораго было прямой задачей нашего отряда, именно—какими силами располагала Куаньдяньсянская группа. И, следовательно, насколько серьезенъ могъ быть ударъ съ этой стороны, въ случаѣ наступленія японцевъ на Ляоянь. Вѣдь изъ расположенія этихъ группъ само собою ясно вытекало и вѣроятное направленіе движенія этихъ группъ къ Ляояню.

Вотъ для выясненія этого вопроса, мнѣ кажется, генераль Ренненкампфъ и предпринялъ, 9-го іюня, усиленную рекогносцировку въ направленіи на Айяньямь, собравъ для этого всѣ имѣвшіяся въ его распоряженіи силы, а также стянувъ части изъ-за Фаньшуйлинскаго перевала.

Сомнѣваться въ томъ, что эта рекогносцировка вызвана, если не требованіями штаба арміи, то, во всякомъ случаѣ, крайней необходимостью во что бы то ни стало выяснить силы Куаньдяньсянской группы, могли только люди, которые не только не видѣли, что происходитъ вокругъ, но, что самое главное, и не желали видѣть. Къ несчастію, такіа лица были. Находились офицеры и даже начальники частей, которые считали эту рекогносцировку случайной, не вызываемой обстановкой, и находили только «лишней, бесполезной тратой людей».

Военные люди, которые, видимо, никогда не задумывались надъ вопросами: «что такое война?», «Въ чемъ заключаются обязанности и долгъ военнотружачаго на войнѣ?» и т. п., а смотрѣли на мундиръ какъ на средство, обеспечивающее до известной степени существованіе, конечно, не могли смотрѣть на вещи иначе, какъ только съ точки зрѣнія—«меньшей траты людей».

Что же касается вообще разговоровъ о тратѣ людей на войнѣ, то на это нужно сказать, что мы и кампанію проиграли, пожалуй, потому, что чересчуръ много заботились о сохраненіи людей, частей, армій. Принципъ гражданскаго долга былъ сильно развитъ, и, главнымъ образомъ, на верхахъ.

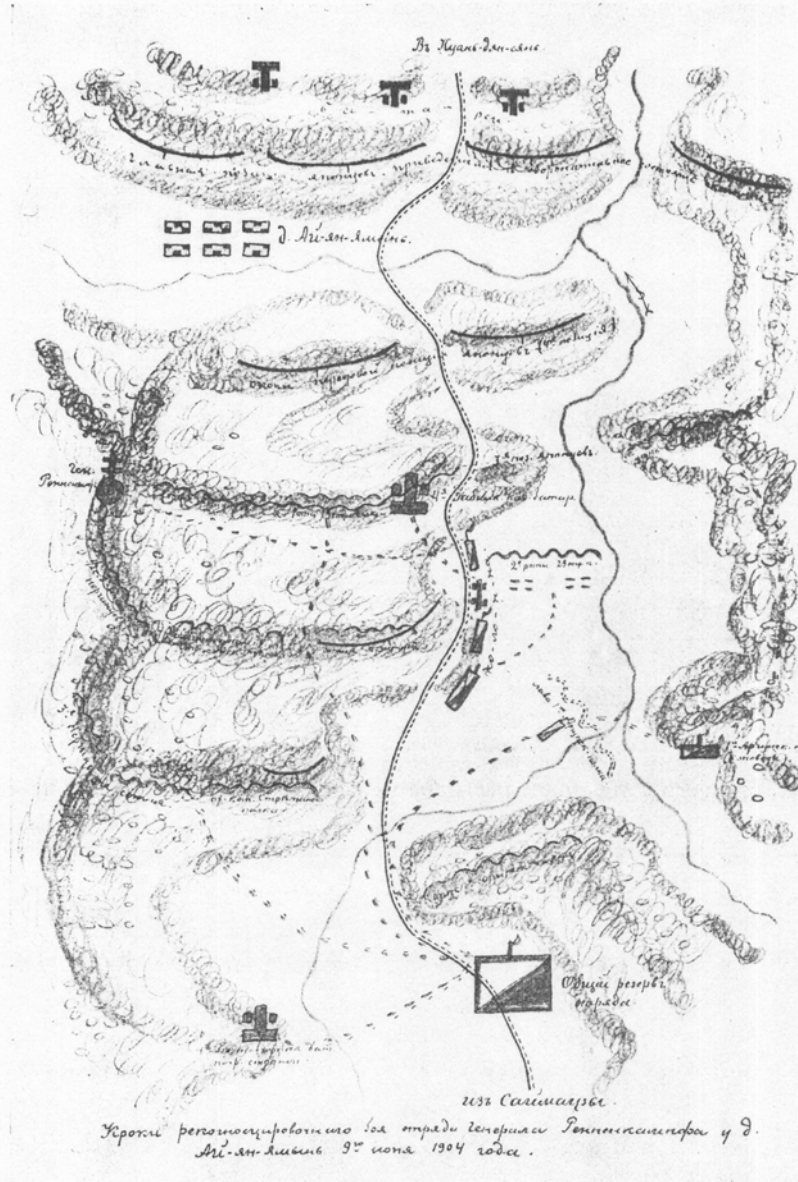
Вотъ поэтому-то людямъ истинно-военнымъ, каковымъ безспорно является генераль Ренненкампфъ, и смотрящимъ на военное дѣло съ точки зрѣнія только военнаго долга, часто его подчиненными—почитателями «гражданскаго долга»—и ставилось въ упрекъ его, будто бы, безразличное отношеніе къ жизни другихъ.

Нужно ли говорить, что почитателямъ «гражданскаго долга» не должно быть мѣста въ рядахъ славной Русской арміи.

Вѣдь «гражданское мужество» на войнѣ заставляеть сдвигать крѣпости, броненосцы ради спасенія жизни сотнямъ людей, тогда какъ «военное мужество»—военный долгъ—повелѣваетъ умирать, защищаясь, умирать только ради чести оружія...

Въ составъ рекогносцирующаго отряда вошли: 2½ бат. 23-го В.-Сиб. стр. полка, 4-я Забайк. каз. батарея (6 орудій), 4-я конно-горная батарея пограничной стражи (4 орудія), 4 сотни 1-го Аргунск., 3 сотни 2-го Арг. и 2 сотни 2-го Нерчинскаго каз. полковъ и 2 конно-охотнич. ком.: 23-го полка и Стрѣтенскаго пѣх. полка; всего, слѣдовательно, 2½ баталіона, 10 орудій, 9 сотенъ и 2 конно-охотничьи команды.

Отрядъ выступилъ изъ Саймацзы 9-го іюня, въ 6 час. утра, двумя колоннами: правая—(главныя силы) по прямой Айнямыньской дорогѣ, а лѣвая—по горной дорогѣ, выходящей къ Синкайлинскому перевалу съ фланга. Боковую ко-

лонну, подъ командой генерала Любавина, составили: 3 сотни 2-го Арг. и 2 сотни 2-го Нерч. п., пограничная батарея и охотничья команда Стрѣтенск. п. полка (5 сот., 4 орудія и 1 ком.).

Раздѣленіе силъ на колонны я объясняю тѣмъ, что имѣлись свѣдѣнія отъ разъѣздовъ о томъ, что Синкайлинскій перевалъ японцами занятъ.

Около 12 час. дня, переваливъ Синкайлинъ, который оказался не занятымъ, боковая колонна соединилась съ колонной главныхъ силъ и пошла впереди пѣ-

хотныхъ частей отряда, причемъ 1-й Аргунскій полкъ, составлявшій авангардъ главныхъ силъ, наступалъ впереди.

Не доходя приблизительно 5—6 верстъ до Айянымыня, авангардъ (1-й Арг. п.—4 сотни) завязалъ перестрѣлку съ японцами, занявъ снѣженными сотнями крутой утесъ съ правой стороны дороги (см. кроки). Японцы были въ окопахъ. Черезъ нѣкоторое время къ утесу, занятому 1 Арг. п., подошли и сотни нашей колонны и, какъ всегда, прискакали изъ главныхъ силъ генералъ Ренненкампфъ.

Съ мѣста (изъ-за утеса) были выдвинуты на лѣвый флангъ охотничья команда Стрѣтенск. полка и 3-я сотня Нерчинцевъ. Стрѣтенская команда должна была атаковать съ фронта, а Нерчинцы, содѣйствуя Стрѣтенцамъ въ атакѣ, должны были загибать флангъ и стараться взять японскій окопъ подъ фланговый огонь.

Дѣйствіемъ снѣженныхъ сотенъ 1-го Аргунскаго п., Стрѣтенскихъ охотниковъ и 3-й Нерчинской сотни, стрѣлявшей во флангъ, японцы были выбиты изъ окоповъ, послѣшно отошли, прикрываясь складками мѣстности и почти сплошнымъ кустарникомъ, и заняли слѣдующій гребень, также укрѣпленный стрѣлковыми окопами. Мы перешли въ наступленіе. Я съ полусотней 3-й Нерч. сотни цѣпочкой двигался по острому гребню, прикрываясь кустарникомъ. Когда поровнялся со второй позиціей японцевъ, залегъ на гребнѣ и открылъ сверху фланговый огонь, который съ фронта поддержали вторая полусотня 3-й Нерчинской сотни и стрѣтенскіе охотники. Огонь нашъ былъ близкій; видно было, какъ у японцевъ появились раненые, почему окопы были послѣшно очищены, и японцы, унося раненыхъ, отошли къ слѣдующему гребню. Мы провожали ихъ залпами. На третьей позиціи (см. кроки) цѣпь японцевъ оказалась значительно сильнѣе, и хотя этотъ гребень не былъ усиленъ окопами, за то онъ представлялъ изъ себя прекрасную естественную позицію.

Продолжая дѣйствовать во флангъ, я оторвался отъ сотни, и что происходило въ тылу, совершенно не знаю.

На этой позиціи, чтобы выбить японцевъ, силы наши (сотня и охотн. ком.) оказались недостаточными, почему перестрѣлка затянулась. Охотники начали нести потери и въ своемъ наступленіи остановились; я также остановился загибать флангъ, боясь зарваться, тѣмъ болѣе, что на мою позицію обратили должное вниманіе и я сильно обстрѣливался. Приходилось прятаться за гребень и стрѣлять рѣдко вылазками одиночныхъ людей. Тогда къ намъ на помощь пришла конно-горная пограничная батарея, открывшая огонь сзади черезъ головы стрѣтенскихъ охотниковъ по гребню, занятому японцами. Японцы быстро отошли. Послѣ этого огонь батареи былъ перенесенъ на части японцевъ, отходившія по долинѣ у подошвы праваго горнаго массива, но и эта цѣль укрылась и батарея прекратила стрѣльбу.

Наступила полная тишина. Японцевъ не видно, и казалось, что бой прекратился. Я оставался на гребнѣ и ждалъ приказаній, но ихъ не было. Такъ прошло около 1/2 часа. Но, вотъ, я увидалъ съ гребня, что наши главные силы двигаются по дорогѣ на Айянымынь въ колоннѣ, при чемъ впереди былъ генералъ съ конвоемъ, за нимъ 4-я Забайк. батарея, сотня казаковъ, а также сзади видны были части пѣхоты. Тогда я спустился съ гребня и пошелъ на перерѣзъ колоннѣ

къ дорогѣ, думая, что мои коноводы слѣдуютъ за колонной (что было и на самомъ дѣлѣ) и я ихъ могу около дороги дождаться. Въ моментъ, когда голова колонны подходила къ низенькому выступу гребня (см. кроки—наша артиллер. позиція) и я былъ отъ дороги шагахъ въ 100,—со стороны японцевъ раздался оглушительный залпъ изъ орудій, а затѣмъ страшный трескъ и свистъ разорвавшихся надъ нашими головами шрапнелей. Я слышалъ только команду генерала «батарея на позицію», а затѣмъ мимо меня къ гребню проскочилъ конвой, бывшая тутъ сотня... Залпы японскихъ орудій заглушали все. Къ стыду моему, я настолько въ первое время растерялся отъ неожиданности, да и отъ страха вмѣстѣ, что по первому же разрыву очереди шрапнелей упалъ, а затѣмъ поднялся и совершенно не зная, что дѣлать. Миѣ казалось, что японцы стрѣляютъ по крайней мѣрѣ изъ 30—40 орудій и что изъ сферы этого огня не выйдешь. Изъ минутнаго оцѣненія вывелъ меня урядникъ, который доложилъ, что у насъ двое серьезно ранено осколками шрапнели (около меня было 12 казаковъ, остальные же опоздали спуститься съ гребня и шли въ 500—600 шагахъ сзади). Я сообразилъ, что нужно выходить изъ-подъ огня, который сосредоточивался по нашей батарее, снявшейся тутъ же съ передковъ. Подхвативъ раненыхъ, мы быстро начали уходить обратно въ выемку гребня, и, сдѣлавъ такимъ образомъ около 200—250 шаговъ, вышли изъ сферы дѣйствительнаго прицѣльнаго огня японскихъ батарей. Я успокоился и тогда только нашелся рѣшить, что моя обязанность, какъ ближайшей къ батарее части, составить прикрытіе, что немедленно и сдѣлалъ, занявъ гребень около спѣшившейся Аргунской сотни. Такимъ образомъ я очутился шагахъ въ 200 влѣво отъ батареи вверхъ по гребню. Тутъ же въ перемежку съ моими казаками залегли охотники Стрѣтенскаго п. полка.

На этой позиціи, обозрѣвая болѣе или менѣе спокойно наши и японскія позиціи, я увидалъ, что японцы залпами двухъ батарей (нѣтъ сомнѣнія—съ точно измѣреннаго разстоянія) положительно смели нашу батарею. Наша батарея не успѣла произвести и десятка выстрѣловъ, какъ потеряла почти весь свой строевой составъ. Орудія на позиціи производили своимъ видомъ жалкое впечатлѣніе: одно орудіе смотрѣло впередъ, другое было подбито и смотрѣло въ сторону, третье склонилось на бокъ и т. п. Въ довершеніе этой картины, около орудій лежало до 10 труповъ убитыхъ и раненыхъ. Убирать ихъ было нельзя, такъ какъ по одиночному человѣку, подбѣгавшему къ орудіямъ, японцы давали залпъ. Уцѣлѣвшая прислуга отошла отъ орудій и укрывалась гребнемъ, изрѣдка выбѣгая къ орудіямъ, чтобы произвести одиночный выстрѣлъ. Въ большинствѣ случаевъ эти смѣльчаки такъ около орудій и оставались...

И. Анисимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

подданиѣйше повергають къ стопамъ Вашимъ, Государь, чувства непоколебимой вѣрности, безпредѣльной любви и преданности».

«Петергофъ, Ея Императорскому Высочеству Великой Княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, Шефу 3-го гусарскаго Елисаветградскаго Имени Своего полка.

Елисаветградскіе Имени Вашего Императорскаго Высочества гусары, осчастливленные великою милостью назначеніемъ Вашего Императорскаго Высочества Шефомъ полка, всенподданиѣйше приносятъ свое поздравленіе и громовымъ ура провозглашаютъ здравицу своему обожаемому Августѣйшему Шефу».

На что послѣдовалъ Высокомилостивый отвѣтъ отъ Шефа, слѣдующаго содержанія:

«Ольгинъ Штабъ, Сувалкской губ., Временно Командующему 3-мъ гусарскимъ Елисаветградскимъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны полкомъ.

Искренно радуюсь назначенію Шефомъ славныхъ Елисаветградскихъ гусаръ и сердечно благодарю полкъ за поднесенные мнѣ депутаціей мундиръ Елисаветградцевъ и цвѣты.

«Ольга».

Для прочтенія Высочайшихъ телеграммъ полкъ былъ построенъ въ манежѣ, украшенномъ флагами, зеленью и портретами Царя и Царицы и Шефа, гдѣ и была провозглашена при звукахъ гимна, полкового марша и восторженнаго ура здравица за Верховнаго Вождя Государя Императора, всего Царскаго Дома и молодого Шефа, а затѣмъ нижніе чины были размѣщены за заранѣе приготовленными для угощенія столами, во время котораго игралъ хоръ трубочей.

Конный отрядъ генерала Ренненкампа въ русско-японскую войну¹⁾.

Мѣста расположенія японскихъ батарей были видны только по вспышкамъ огня при выстрѣлѣ. Видна была также ихъ главная линія окоповъ. Отсюда же было видно, какъ по долинѣ то подвигалась впередъ, то отходила назадъ наша пѣхотная цѣпь (см. кроки), разсыпанная, очевидно, изъ частей, слѣдовавшихъ за батареями.

Вскорѣ на нашъ гребень подошла сильнаго состава рота 23-го полка, вытребованная, очевидно, изъ общаго резерва. Рота эта и составила ближайшее прикрытие артиллеріи.

Тѣмъ временемъ отъ казаковъ, уносившихъ раненыхъ, командиръ сотни узналъ о моемъ мѣстопребываніи и прислалъ приказаніе отойти къ коноводамъ, которые, какъ оказалось, были очень близко, именно тутъ же за слѣдующимъ

¹⁾ См. «В. Р. К.» № 14.

гребнемъ. (Мое первоначальное предположеніе, что часть сотни и мои коноводы слѣдовали въ хвостъ колонны, подвергшейся обстрѣлу, было правильно. Поэтому такъ близко оказались и коноводы). Командиръ сотни сообщалъ, что сотня считается собравшейся къ коноводамъ, почему и можетъ получить особое назначеніе.

Уходя съ позиціи, я съ болью въ сердцѣ думалъ, что въ случаѣ атаки японцевъ сотня, рота и незначительная часть охотниковъ Стрѣл. полка могутъ не выдержать напора и наша батарея можетъ достаться въ руки врага. Тѣмъ болѣе, что на правомъ флангѣ по долинѣ была только жиденькая цѣпь пѣхоты, дѣйствовавшая крайне нерѣшительно и державшаяся сзади батарей. Правофланговый массивъ за рѣчкой былъ не занятъ. Однимъ словомъ, положеніе было крайне тяжелое. Участъ орудій Забайкальской батареи висѣла на волоскѣ... Я недоумѣвалъ, гдѣ же осталась пѣхота, гдѣ пограничная батарея и 1-й Аргунскій полкъ...

Къ счастью, японцы пропустили благоприятный моментъ. Предпринятая ими настойчивыя атаки позднѣе были отбрасываемы.

Когда я былъ уже у своихъ коноводовъ и рассказывалъ о дѣйствіяхъ въ передовой линіи, мы увидели несущуюся по долинѣ наметомъ лаву 1-го Аргунскаго полка, выѣхавшую изъ-за утеса (общій резервъ отряда). Лава эта направлялась къ правому горному массиву. Японцы быстро замѣтили это движеніе: надъ полкомъ начала рваться шрапнель. Какъ намъ казалось, на этотъ разъ открыла огонь третья японская батарея, расположенная въ другомъ мѣстѣ. Аргунцы, однако, проскочили и, какъ потомъ оказалось, почти безъ потерь.

Здѣсь сказалась чрезвычайно малая дѣйствительность стрѣльбы артиллеріи по быстро движущейся цѣли. Обстоятельство, на которое слѣдуетъ обратить вниманіе лицъ, исключаящихъ возможность конныхъ атакъ въ современныхъ бояхъ.

Аргунскія сотни, такимъ образомъ, заняли правый горный массивъ и сыграли важную роль въ дѣлѣ защиты батарей: онѣ парализовали всякія попытки японцевъ подойти къ орудіямъ по долинѣ.

Впереди на позиціи стрѣльба то утихала, то достигала крайняго напряженія. Артиллерійскій огонь японцевъ разсѣивался по гребню, занятому прикрытіемъ батарей. Оказывается, японскія цѣпи, поддерживаемыя дружнымъ огнемъ своихъ батарей, нѣсколько разъ бросались на наши орудія и прикрытіе, но съ большими потерями были отбрасываемы. Орудія же наши съ перебитой прислугой были все время на виду у японцевъ и, конечно, представляли заманчивую цѣль.

Генераль Ренненкампфъ черезъ ординарцевъ сообщилъ, что онъ на лѣвомъ флангѣ прикрытія (см. кроки) и будетъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ снято съ позиціи и увезено послѣднее орудіе. Убирать же орудія не было положительно никакой возможности, такъ какъ по одиночнымъ людямъ, подбѣгавшимъ къ орудіямъ, раздавался залпъ японской батареи. Пока было свѣтло—орудія можно было только защищать, что мужественно и дѣлалось находящимися въ боевой линіи частями.

Черезъ нѣкоторое время къ стоявшимъ въ ближайшемъ резервѣ 3-мъ сотнямъ (Нерч. и 2-я Арг.) подъѣхалъ адъютантъ штаба и передалъ приказаніе, что генераль будетъ съ частями боевой линіи на позиціи дожидаться темноты, чтобы имѣть возможность убрать орудія, а сотнямъ ближайшаго резерва отойти за линію общаго резерва и занять въ тылу позицію на случай, если бы японцы

двинулись за отходящими частями въ преслѣдованіе. Начиная вечерѣть, но было еще достаточно свѣтло. Когда сотни вышли изъ-за гребня на дорогу, по нимъ былъ открытъ артиллерійскій огонь. Снаряды перелетѣли черезъ наши головы. Мы разсыпались въ лаву. Нѣсколько очередей японской шрапнели по нашей лавѣ легли неудачно и вреда сотнямъ не причинили.

Проходя мимо утеса, гдѣ былъ расположенъ нашъ резервъ и перевозочный пунктъ (см. кроки), я увидалъ тамъ три развѣвающихся знамени (Перчинскаго и 2-хъ Аргунскихъ полковъ) при одномъ взводѣ казаковъ 6-й Перч сотни, остальные взводы которой были израсходованы на освѣщеніе лѣваго фланга на линіи общаго резерва. Тутъ же стояло не израсходованнымъ не менѣ баталіона пѣхоты и пограничная батарея.

Почему остался въ самый горячій моментъ боя не израсходованъ и не введенъ въ дѣло такой сильный резервъ, когда участь Забайкальской батареи висѣла на волоскѣ,—я, конечно, не знаю. Также не знаю, почему въ этомъ бою изъ 2¹/₂ батал. пѣхоты видное участіе приняла только одна (кажется, 12-я) рота, бывшая въ рукахъ самого генерала, рота, дѣйствія которой были во всѣхъ отношеніяхъ выше всякой похвалы. Я могу только сказать, что наличность этихъ явленій тогда же приписывалась начальнику общаго резерва.

Было уже совершенно темно, когда мы заняли тыловую позицію. Впереди продолжала не прекращаться ружейная стрѣльба и стрѣльба японскихъ батарей.

Японцы, при наступленіи темноты, еще нѣсколько разъ пытались атаковать наши прикрытія, но были отбрасываемы огнемъ. Бывшіе въ прикрытіи говорили, что стрѣльба японской артиллеріи была уже неэффективна и поддерживалась, видимо, только для моральнаго значенія.

Наконецъ, около 10 ч. вечера, впереди все стихло.

Около 11 час. начали проносить мимо насъ убитыхъ и раненыхъ, а около 11¹/₂ ч. появились одно за другимъ орудія Забайк. батареи въ перемежку съ зарядными ящиками. Много лошадей и людей около орудій были изъ сотни прикрытія, такъ какъ уцѣлѣвшей прислуги было очень мало, да и тѣ несли своихъ убитыхъ и раненыхъ станичниковъ.

Съ глубокимъ чувствомъ облегченія вздохнули мы, когда провезли послѣднее, шестое орудіе.

Въ это время электрическимъ токомъ пробѣжало по отряду кѣмъ-то пущенное извѣстіе, что Синкайлинскій переваль, единственный путь отхода нашего на Саймацзы, занятъ японцами. Немедленно была направлена туда свободная сотня (1²/₂ с. 2 Арг. и 1²/₂ с. Перч. п.), которой приказано двигаться во что бы то ни стало быстрѣе и занять переваль. Разстояніе до перевала было 4—5 верстъ.

Нервы были напряжены до крайности...

Успокоительныя извѣстія были получены черезъ полчаса—Синкайлинъ былъ свободенъ.

Около 12 час. ночи съ позиціи прошли мимо насъ аррьергардныя части отряда, въ хвостѣ которыхъ съ своимъ конвоемъ ѣхалъ генералъ Ренненкампфъ. Японцы не преслѣдовали, да и не до этого имъ, вѣроятно, было.

Въ Саймацзы вернулись около 6-ти час. утра 10-го іюня.

За полныя сутки люди (я говорю о казачьихъ частяхъ), кромѣ горячей воды (наз. чаемъ), и то урывками, ничего не имѣли, а лошади совершенно безъ корма.

На Синкайлинскомъ перевалѣ оставлено временное охраненіе.

Отрядъ потерялъ: офицерскихъ чиновъ ранеными 7; нижнихъ чиновъ убитыми около 15 и ранеными около 70, при чемъ на долю 4-й Заб. каз. батареи приходится убитыхъ 9 и раненыхъ 22. Затѣмъ большій процентъ потерь понесла рота 23-го полка, бывшая въ прикрытіи.

Всѣ убитые и раненые Забайк. бат., несмотря на крайній недостатокъ людей, были вынесены и доставлены въ Саймацзы, а почти всѣ убитые и часть раненыхъ 23-го полка были оставлены на позиціи. Мнѣ помнится, что это явленіе было отмѣчено при разборѣ этого боя.

Вотъ, кстати, характеристика внутренней связи въ казачьихъ частяхъ и частяхъ регулярныхъ.

Описанный бой выяснилъ, что у Айянямыня находится 3 полка пѣхоты при 18 орудіяхъ и 2—3 эскадрона кавалеріи.

10-го іюня въ Саймацзы при хорѣ трубачей произведены похороны убитыхъ въ одной общей могилѣ. Грустная картина! Мнѣ хочется сказать: спите, дорогіе сослуживцы-Забайкальцы, въ ущельяхъ чуждыхъ маньчжурскихъ горъ! Много мы васъ тамъ порастеряли и въ одиночку, и по два, и группами... Спите жъ, беззавѣтные герои! Вы честно исполняли свой долгъ. Оставшіеся въ живыхъ ваши братья-станичники могутъ смѣло смотрѣть въ глаза міру... Дурное мнѣніе о васъ можетъ имѣть только мимолетно посѣтившій ваши сѣрые ряды блестящій верхоглядь...

4-я Забайк. каз. батарея изъ Самайцзы отправлена въ Ляоянь, а потомъ, кажется, въ Харбинъ, для исправки и пополненія, какъ потерявшая боеспособность. 23-й же полкъ отправленъ за сѣверный Фэньшуйлинъ.

Голодь въ Саймацзы достигъ крайнихъ предѣловъ.

Движеніе на стверь къ Фэньшуйлинскому перевалу и дѣло въ долині р. Цаохэ (усиленная рекогносцировка). 12-го іюня, около 3-хъ час. пополудни, въ виду наступленія японцевъ на Саймацзы, отрядъ выступилъ по Сяосырской дорогѣ. Ночевали бивакомъ въ 7—8 вер. отъ Саймацзы, у д. Сафалацзы. Здѣсь къ намъ присоединились сотни изъ Сяосыра и Цзян-чаня.

13-го іюня утромъ японцы повели наступленіе и отѣснили наше сторожевое охраненіе. Сильный напоръ пришлось задерживать огнемъ пограничной батареи. Не принимая боя, отрядъ отошелъ по Сяосырской дорогѣ, черезъ перевалъ Палилинъ, къ перевалу Фэньшуйлинъ. На ночлегъ остановились впереди Фэньшуйлина въ верховьяхъ р. Цаохэ.

14-го іюня, для производства усиленной рекогносцировки внизъ по долині р. Цаохэ, генераль Ренненкампфъ выдвинулъ конную колонну генерала Любавина. Самъ же остался передъ Фэньшуйлиномъ на дорогѣ отъ пер. Палилинъ съ нѣсколькими сотнями и частями 23-го стр. полка. Колонну генерала Любавина составили: 4 сотни Нерчинск. п., 3 сотни 2 Арг. и 2 сотни 1 Арг. полковъ и пограничная батарея (4 орудія). Верстахъ въ 7—8 къ югу отъ мѣста бивака авангардъ колонны (1-я сотня Нерчинц.) былъ встрѣченъ огнемъ японцевъ. Завязалась перестрѣлка. Въ боевую линію постепенно было выдвинуто около 7-ми спѣшенныхъ сотенъ, силами которыхъ сбить противника не удалось. Не удалось это сдѣлать и тогда, когда въ дѣло была введена пограничная батарея.

Лично я въ боевой линіи не былъ, а находился при сотнѣ резерва, поэтому кроки мѣстности и развертыванія сотенъ дать не могу.

Рекогносцировочный бой продолжался всего около 4-хъ часовъ.

Потери: ранено офицерск. чиновъ 1 (ес. Энгельгардтъ—ком. 1-й Перчинской с.), нижнихъ чиновъ 9.

Такимъ образомъ было выяснено, что и по долину р. Цаохэ японцы наступаютъ значительными силами. Это общее наступленіе японцевъ на ихъ правомъ флангѣ было предпринято, очевидно, съ цѣлю отгѣсненія нашихъ передовыхъ отрядовъ за Фэньшуйлинскій хребетъ.

И. Анисимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Поставы“. Возвращеніе съ охоты.

Примѣненіе крупныхъ кавалерійскихъ отрядовъ при самостоятельныхъ предпріятіяхъ противъ фланга и тыла непріятельской арміи¹⁾).

Исходя изъ этихъ основныхъ точекъ зрѣнія, дѣйствія крупныхъ кавалерійскихъ отрядовъ (массъ) на полѣ сраженія, въ широкомъ смыслѣ этого слова, выразятся въ общемъ:

а) *Въ воспрепятствованіи непріятельскимъ колоннамъ принять участіе въ рѣшительномъ бою.*

По мѣрѣ приближенія къ моменту рѣшительнаго столкновенія поле дѣйствія наступающихъ частей будетъ суживаться. Тутъ конница представитъ возможность *помѣшать соединенію противника передъ рѣшительнымъ ударомъ, или задержать наступленіе непріятельской колонны, выдѣленной изъ общаго количества наступающихъ войскъ для производства глубокаго обхода.*

¹⁾ См. «В. Р. К.» № 14.

Конный отрядъ генерала Ренненкампа въ русско-японскую войну¹⁾.

Движеніе на Фанцзянцзы, Сихэянъ и въ долину р. Тайцзыхэ. Послѣ рекогносцировки вернулись къ Фэньшуйлину, гдѣ и остановились бивакомъ на ночлегъ. Но не успѣли скипятить и чай, какъ въ сторожевомъ охраненіи началась стрѣльба. Японцы тѣснили. Одновременно съ этимъ и находившаяся на перевалѣ Палелинъ сотня, подъ напоромъ японцевъ, отошла почти къ самому Фэньшуйлину. Такимъ образомъ, отрядъ попадалъ въ вилку. Остаться передъ Фэньшуйлинскомъ было нельзя. Потянулись на Фэньшуйлинскій перевалъ—это красивое и грандіозное созданіе природы. Около 11 ч. вечера подъ сильнымъ дождемъ проходили черезъ окутанную облаками вершину перевала.

Мокрые и прозябшіе подошли, около 3-хъ час. утра, къ д. Фанцзянцзы, гдѣ и остановились на грязномъ бивакѣ. Остатки нѣсколькихъ фанзъ Фанцзянцзы пошли на растопки и топливо.

У Фанцзянцзы назначена дневка. Утромъ былъ высланъ къ Фэньшуйлину офицерскій развѣздъ подъ начальствомъ безсмѣннаго въ тѣ времена лихого Нерчинскаго развѣдчика—хорунжаго Иванова, съ задачей: узнать, перешли ли японцы Фэньшуйлинъ.

Приблизительно въ 8—9 верстахъ развѣздъ этотъ попалъ подъ японскую засаду, при чемъ начальникъ развѣзда и нѣсколько казаковъ потеряли убитыми своихъ лошадей и едва вышли сами на крунахъ лошадей товарищей, оставивъ врагу, въ придачу къ лошадямъ, еще и сѣдла. Отличное, съ дорогимъ наборомъ сѣдло хор. Иванова было жалко; жаль было, конечно, и старья сѣдла казаковъ, такъ какъ эти предметы снаряженія были добываемы значительно труднѣе, нежели лошади.

Около полудня потѣснили сторожевое охраненіе. Командиръ сотни послѣ цѣлаго часа сопротивленія, потерявъ 2 казаковъ убитыми и 5 ранеными, донесъ, что онъ нуждается въ поддержкѣ. При помощи высланныхъ на поддержку—сотни и роты 23-го стр. полка, сторожевое охраненіе оттѣснило японцевъ. Дневка состоялась.

16-го же іюня, подъ постепеннымъ напоромъ японцевъ, отошли на укрѣпленныя позиціи у Сихэяна. Здѣсь остановилась пѣхота, артиллерія и 1-й Аргунскій каз. полкъ, вошедшіе въ составъ Сихэянскаго отряда. Генераль Ренненкампа (очевидно, во исполненіе предписаній штаба арміи) съ 2 Нерчинск., 2 Аргунск. каз. п. и пограничной батареей 16-го же числа перешелъ отъ Сихэяна въ долину р. Тайцзыхэ; 17-го же числа подошли къ дер. Мицзы, на лѣвомъ берегу Тайцзыхэ.

Описанные дни, дни постоянныхъ движеній и развѣдокъ, вообще чреватые событіями, дать полную картину которымъ потребовалось бы очень много времени и мѣста.

Движеніе къ Сяосыру и дѣло у Сыпоулинскаго перевала (усиленная рекогносцировка). Въ ночь съ 19-го на 20-е іюня отрядъ у д. Мицзы переправился вплавь на правый берегъ р. Тайцзыхэ и двинулся къ Сяосыру. 21-го же перепра-

¹⁾ См. «В. Р. К.» № 15.

вились у Сяосыра на лѣвый берегъ и заночевали въ д. Пьедяпуза, а 22-го была предпринята усиленная рекогносцировка Сыгоулинскаго перевала.

Переправа отряда на правый берегъ Тайцзыхэ у Мицзы и обратно на лѣвый у Сяосыра объясняется тѣмъ, что дороги отъ Мицзы къ Сяосыру по лѣвому берегу не было.

Въ составъ рекогносцирующаго отряда вошли: 5 сотенъ Нерчинскаго и 2 сотни Аргунскаго полковъ при 4-хъ орудіяхъ пограничной батареи (7 сот. 4 орудія).

Изъ д. Пьедяпуза выступили около 6 час. утра. Дорога все время идетъ по страшно узкимъ ущельямъ, образуемымъ горной рѣчкой Сяотайцзыхэ.

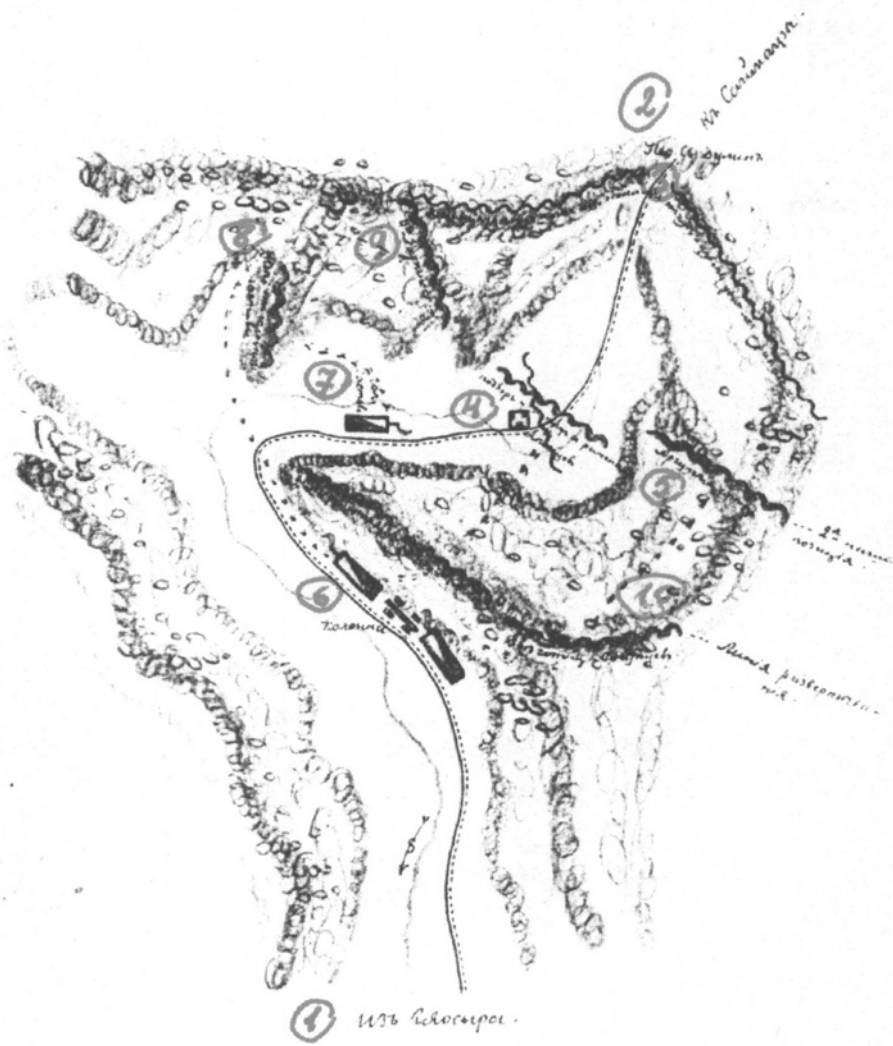
Пройдя отъ Пьедяпузы приблизительно около 6—7 верстъ, по авангардной сотнѣ былъ открытъ японцами огонь. Сотня спѣшилась и огнемъ выбила японцевъ. Дальнѣйшее движеніе къ Сыгоулину совершалось спокойно, но авангардной сотнѣ приходилось двигаться крайне медленно, такъ какъ, чтобы выполнить задачу охраненія движущагося по такимъ ущельямъ отряда, нужно было осматривать возвышающіеся надъ дорогой скалы.

Медленное движеніе всегда раздражающе дѣйствовало на генерала Ренненкампа, какъ настоящаго кавалерійскаго начальника. Вскорѣ къ намъ въ голову колонны прѣхалъ начальникъ штаба полковникъ Россійскій съ приказаніемъ двигаться быстрѣе. Командиръ полка (Нерчинскаго) послалъ меня для передачи этого приказанія командиру авангардной сотни. Когда я передалъ это приказаніе, то командиръ сотни просилъ меня доложить, что его головная застава, а слѣдовательно, и онъ съ частями сотни, быстрѣе двигаться не можетъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы совершенно отказаться отъ бокового охраненія, что въ районѣ дѣйствій противника едва ли желательно. Японцы на возвышавшихся надъ дорогой скалахъ, покрытыхъ кустарникомъ, въ любомъ мѣстѣ могли устроить для отряда засаду, тѣмъ болѣе, что имъ было извѣстно о движеніи отряда. Все это было безусловно правильно. Несоблюденіе требованій устава объ охраненіи въ данной обстановкѣ было преступленіемъ. Но... нельзя же кавалерійскому отряду двигаться со скоростью 1½—2 вер. въ часъ! Имѣя же боковое охраненіе (боковыхъ дозоровъ), быстрѣе двигаться было абсолютно нельзя. Истинный кавалеристъ долженъ былъ пренебречь условіями бокового охраненія. Такъ и было сдѣлано. Начальникъ штаба, командиръ полка и я поѣхали въ головную заставу. Подъесауль Федосѣевъ (начальникъ заставы) отозвалъ слѣдовавшихъ пѣшкомъ по горамъ дозорныхъ, и мы двинулись значительно быстрѣе.

Не доходя Сыгоулинскаго перевала (см. кроки), совершенно неожиданно по намъ былъ открытъ частый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безпорядочный, огонь японцами, бывшими, вѣроятно, заставой у фанзы въ долинѣ передъ переваломъ. Мы разсыпались и налетомъ бросились къ лѣвому массиву.

Малую дѣйствительность этой близкой стрѣльбы японцевъ я объясняю исключительно тѣмъ, что японцы увидели движущуюся заставу неожиданно и, растерявшись, бросились къ перевалу, стрѣляя на ходу назадъ.

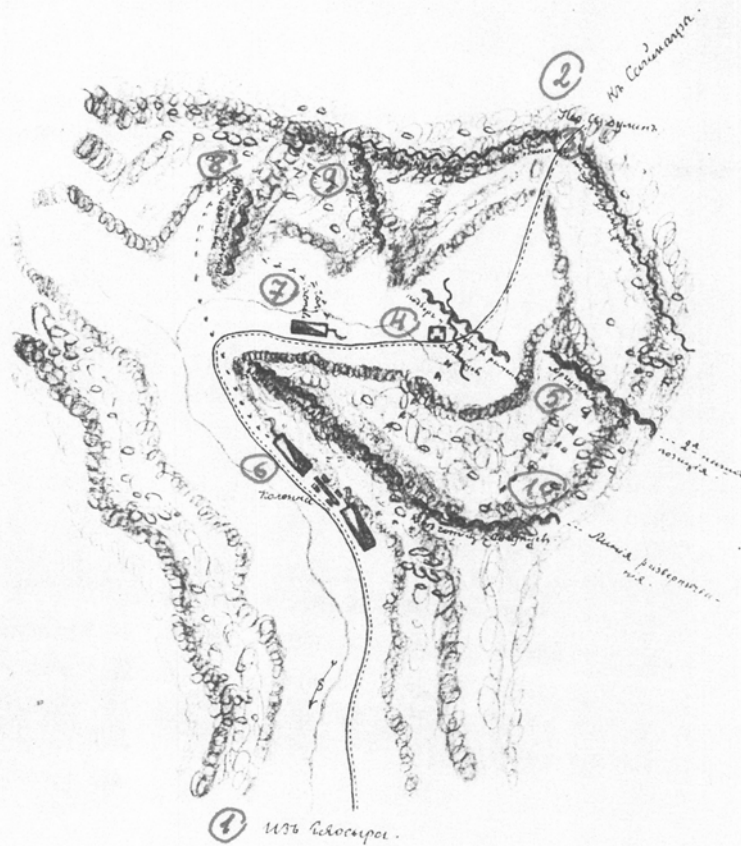
Въ это время головная сотня, а также остальная часть авангардной сотни, не ожидая приказаній, спѣшились, поднялись на гребень (см. кроки) и, заставъ японцевъ еще въ долинѣ у фанзы остановившимися, открыли по нимъ убійственный огонь. Японцы отхлынули къ перевалу, постепенно укрылись въ кустарникѣ и оттуда открыли огонь.

Кресты реконструировано для отряда вет. Ринчосинифора
 у Сибирского перелива 22 июня 1901 года.

Въ дѣло было введено 5 сотенъ. Японцы были отбѣснены за переваль. Наши сотни, подвинувшись впередъ по боковымъ гребнямъ, загнули фланги.

Въ этотъ моментъ я былъ на стрѣлковой позиціи 2-й Нерчинской сотни, будучи присланъ туда къ генералу Ренненкампу съ докладомъ о положеніи дѣлъ на лѣвомъ горномъ массивѣ. Въ долину около фанзы и далѣе на подъемѣ къ пере-

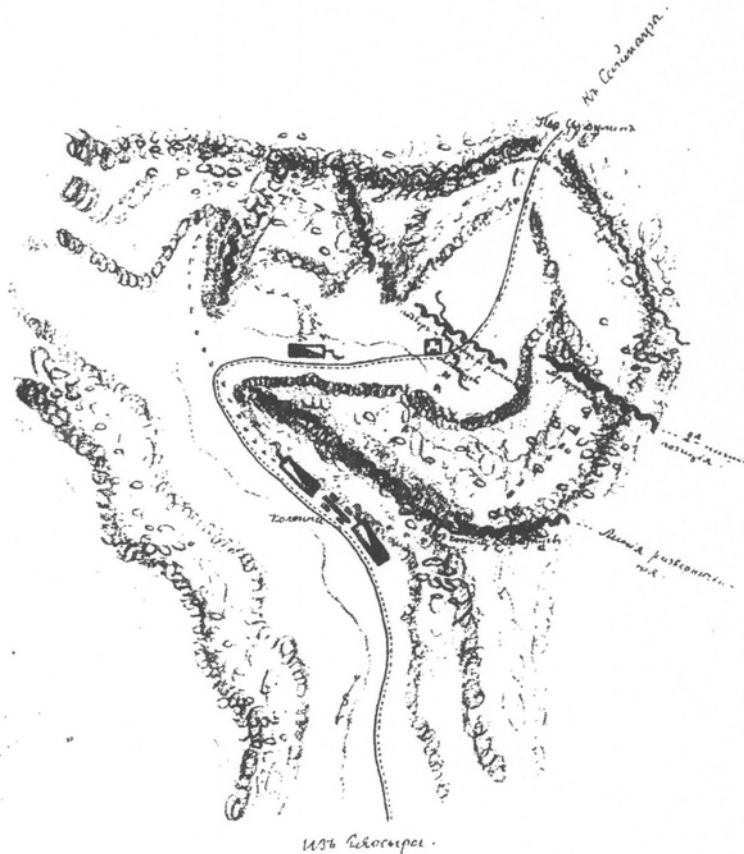

Крести реконструированного боя отряда ген. Ренненкампа
у Сибирячанаго перевала 22 июня 1904 года.

валу (см. кроки) лежало до десятка убитыхъ и раненыхъ японцевъ. У насъ же въ это время потерь совершенно не было. Одной сотнѣ было приказано спуститься въ долину для подбора убитыхъ и раненыхъ японцевъ. Двое убитыхъ лежали сравнительно близко, почему скоро были принесены; нѣсколько же убитыхъ и раненыхъ были на подъемѣ къ перевалу, и съ переноской ихъ запоздали. Не дождавшись окончательной уборки японцевъ, былъ поданъ сигналъ «отбой». Сотни начали спускаться съ гребня. 6-я Нерчинская сотня отходила кучками по долину, неся убитыхъ и раненыхъ японцевъ. Японцы какъ будто ждали нашего сигнала. Они немедленно заняли сильную цѣпь (наде колагать, подоспѣвшими на помощь частями) переваль и оставленные сотнями боковые гребни и открыли по отходящимъ огонь.

Въ дѣло было введено 5 сотенъ. Японцы были оттѣснены за переваль. Наши сотни, подвинувшись впередъ по боковымъ гребнямъ, загнули фланги.

Въ этотъ моментъ я былъ на стрѣлковой позиціи 2-й Нерчинской сотни, будучи присланъ туда къ генералу Ренненкампу съ докладомъ о положеніи дѣлъ на лѣвомъ горномъ массивѣ. Въ долину около фанзы и далѣе на подъемѣ къ пере-

Крести фотографированы въ отрядѣ ген. Ренненкампа у Селенкинскаго перевала 22 июня 1901 г.

валу (см. кроки) лежало до десятка убитыхъ и раненыхъ японцевъ. У насъ же въ это время потерь совершенно не было. Одной сотнѣ было приказано спуститься въ долину для подбора убитыхъ и раненыхъ японцевъ. Двое убитыхъ лежали сравнительно близко, почему скоро были принесены; нѣсколько же убитыхъ и раненыхъ были на подъемѣ къ перевалу, и съ переноской ихъ запоздали. Не дождавшись окончательной уборки японцевъ, былъ поданъ сигналъ «отбой». Сотни начали спускаться съ гребня. 6-я Нерчинская сотня отходила кучками по долину, неся убитыхъ и раненыхъ японцевъ. Японцы какъ будто ждали нашего сигнала. Они немедленно заняли сильную цѣпь (наде болагать, подоспѣвшими на помощь частями) переваль и оставленные сотнями боковые гребни и открыли по отходящимъ огонь.

Наши цѣпи залегли вновь и отвѣчали оружейнымъ огнемъ, при чемъ фланговые сотни были укрыты и потерь не несли. Сотня же, уносившая по долину убитыхъ и раненыхъ японцевъ, въ нѣсколько минутъ потеряла одного убитымъ и четырехъ казаковъ ранеными, почему принуждена была оставить японцевъ и нести своихъ.

Дальнѣйшее наступленіе японцевъ было остановлено огнемъ. Съ принесенныхъ убитыхъ японцевъ были сняты нѣкоторые предметы ихъ обмундированія и снаряженія, а тѣла ихъ тутъ же преданы землѣ.

Во время этого дѣла произошелъ слѣдующій траги-комическій случай, характеризующій «плохо дисциплинированнаго» забайкальца.

Казакъ (къ сожалѣнію, его фамилія у меня не значится въ дневникѣ) принялъ лежавшаго въ долину у подошвы перевала раненаго японскаго офицера въ кителѣ цвѣта хаки за своего офицера (у насъ носили тоже однобортные желтые кителя), и, запыхавшись, прибѣжалъ къ коноводамъ просить лошадей, чтобы увести этого офицера. Получивъ разрѣшеніе, онъ сѣлъ верхомъ на свою лошадку и карьеромъ повелъ другую лошадь въ поводу къ перевалу подъ огнемъ и съ нашей и съ японской стороны. Офицеръ ползъ въ кусты. Подведя лошадь, казакъ крикнулъ: «Ваше благородіе, обождите, я васъ подсажу на лошадь и увезу!» Но «его благородіе», обернувшись, выхватилъ револьверъ и пустилъ въ самоотверженнаго молодца нѣсколько пуль, одной изъ которыхъ была ранена лошадь, но сравнительно легко, а другой—прострѣлена скатанная у луки шинель, при чемъ пуля засѣла въ передней лукѣ. Самъ казакъ, къ счастью, ускакалъ цѣлымъ.

Рекогносцировка эта выяснила, что на Сыгоулинскомъ перевалѣ японцами выставлено заслономъ не менѣе батальона пѣхоты.

Въ рекогносцировкѣ потеряли: нижнихъ чиновъ убитымъ 1 и ранеными 5; лошадей 6.

На ночь на мѣстѣ дѣла было оставлено сторожевое охраненіе изъ 2-хъ сотенъ, остальной же отрядъ заночевалъ въ 4—5 в. отъ перевала.

24-го іюня отрядъ вернулся къ Сяосыру, гдѣ и былъ оставленъ нашъ Нерчинскій полкъ. Генералъ Ренненкампфъ съ сотнями Аргунскаго полка и пограничной батареей отправился къ дер. Гаолинцзы къ оставленнымъ тамъ сотнямъ Аргунскаго полка. Гаолинцзы являлось важнымъ пунктомъ, такъ какъ здѣсь проходитъ дорога на Далинскій перевалъ и далѣе на Мукденъ.

Стоянка у Сяосыра, дѣятельность Нерчинскаго полка и извѣстіе о раненіи генерала Ренненкампфа при производствѣ усиленной рекогносцировки на д. Фанцзяпуцзы. Нерчинскій полкъ, оставшись у Сяосыра, велъ развѣдку отдѣльными развѣздами въ направленіи на Сыгоулинь и Цзянчанъ. Сначала мы остановились было въ самомъ Сяосырѣ, т. е. на лѣвомъ берегу Тайцзыхэ, но въ виду крайняго неудобства Сяосыра, какъ мѣста стоянки вблизи противника, провели двѣ ночи въ аммуниціи и подъ сѣдломъ, перешли на правый берегъ и расположились на самомъ берегу рѣки въ д. Сандянзай.

Отсюда вошли въ связь съ Цзянчаномъ; оказывается, тамъ стояла въ это время сотня Амурскаго каз. полка изъ отряда полковника Мадритова. Что же касается Сыгоулина, то нашъ развѣздъ иногда не былъ пропускаемъ по ущелью и на 3—4 версты. Въ этомъ случаѣ полкъ выступалъ за Тайцзыхэ, отбѣснялъ слабыя части японцевъ версты на 15 и возвращался снова къ Тайцзыхэ, оставляя въ соприкосновеніи развѣзды.

2-го іюля намъ было прислано начальникомъ штаба печальное извѣщеніе, что генераль Ренненкампфъ, производя съ Аргунскимъ полкомъ, 30-го іюня, усиленную развѣдку на Фанцзяпуцзы, былъ раненъ въ ногу, съ поврежденіемъ кости, и эвакуированъ въ Ляоянь.

Командованіе отрядомъ передавалось генералу Любавину.

Въ этой же рекогносцировкѣ убиты: симпатичнѣйшій, какъ человекъ, и выдающійся командиръ сотни Аргунскаго полка есауль Власовъ и лихой ординарецъ генерала штабсъ-ротмистръ Цедербергъ.

Съ этого времени и надо, собственно, считать законченной дѣятельность нашей бригады, какъ самостоятельнаго коннаго отряда. Дальнѣйшія дѣйствія осиротѣлаго отряда сводились къ топтанію на мѣстѣ и нерѣшительнымъ движеніямъ то внизъ, то вверхъ по Тайцзыхэ, вплоть до дней Ляоянскихъ боевъ.

Н. Анисимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Готова ли наша конница? ¹⁾

Практика показала, что корпусъ, состоящій изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій, достаточно будетъ обслуженъ, если онъ будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи бригаду конницы изъ двухъ четырехъ-эскадронныхъ полковъ, т. е. по одному эскадрону 16-ряднаго состава на пѣхотный полкъ. Беря въ расчетъ Европейскую Россію и Кавказъ и не считая гвардейскій корпусъ, мы получимъ 24 дѣйствующихъ корпуса, для которыхъ понадобятся 48 полковъ, или 192 эскадрона или сотенъ. Болѣе всего для этой роли соотвѣтствуютъ наши казаки. Какъ народъ болѣе развитой и смысленый въ сравненіи съ регулярнымъ солдатомъ, они и болѣе пригодны къ одиночнымъ дѣйствіямъ, не говоря уже о ихъ конскомъ составѣ, неспособномъ къ широкимъ плавнымъ аллюрамъ. Ихъ 33 полка, состоящихъ на службѣ при полевой арміи, т. е. 198 сотенъ; переформируя ихъ въ 4-сотенные полки, получится излишекъ въ 6 сотенъ. Второочередные полки, тоже переформированные въ 4-сотенные, должны быть использованы при развертываніи резервныхъ пѣхотныхъ частей и для обслуживанія тыла арміи. Третью очередь не слѣдуетъ брать въ расчетъ. Если ихъ формированіе отчасти и состоится, то они найдутъ достаточное примѣненіе въ исполненіи внутренней службы Имперіи.

Всѣ же 55: драгунскихъ, уланскихъ и гусарскихъ полковъ должны составить стратегическую (армейскую) конницу и быть сведенными въ 9 дивизій, по двѣ бригады въ каждой, трехъ-полкового состава.

Умѣстно будетъ указать на то, что мы не обладаемъ конницею въ достаточномъ количествѣ, какъ въ процентномъ отношеніи къ другимъ родамъ оружія, такъ и въ отношеніи къ нашимъ сосѣдямъ. Считая кавалерію и казаковъ I и II очередей, у насъ всего 131 полкъ и 1 дивизионъ, или 788 эскадроновъ и сотенъ.

¹⁾ См. «В. Р. К.» № 15.

вленное къ достиженію правильной цѣли, а девизъ: сначала взвѣсить, затѣмъ рѣшиться!

Если намъ удастся при этомъ сохранить ноги нашимъ конямъ, а всадникамъ, стоящимъ какъ на высшихъ, такъ и на низшихъ ступеняхъ, ихъ нервы и сердце, то это надо считать наилучшей подготовкой конницы къ самостоятельнымъ предпріятіямъ. Не только сдѣланной, но ставшей самостоятельной. «All Tied vorupp und—drauf!»

М. А. Лермонтовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Конный отрядъ генерала Ренненкампа въ русско-японскую войну¹⁾.

Дѣло Нерчинскаго полка у м. Сяосыръ. 3-го іюля къ Сяосыру прибылъ генералъ Любавинъ съ Аргунскимъ полкомъ и остановился въ Сандянзѣ, выдвинувъ Нерчинскій полкъ, въ составѣ 4-хъ сотень, по Сыгѣулинскому ущелью къ деревнѣ Чучаю (версть 15 къ югу отъ Сяосыра). Китайцы говорили, что японцы близко отъ насъ, но посланный впередъ офицерскій разъѣздъ донесъ, что японцы занимаютъ мѣсто боя 22-го іюня, т. е., что ихъ ближе перевала нѣтъ.

Утромъ, 5-го іюля, японцы сильно потѣснили наше охраненіе и мы начали отходить, такъ какъ, во-первыхъ, вблизи не было удобной позиціи, а во-вторыхъ, сзади имѣлись два узкихъ прохода, отходить по которымъ съ коноводами, въ случаѣ сильнаго превосходства противника въ силахъ, было бы крайне затруднительно. Да мы и не имѣли задачу вступать въ бой.

Вечеромъ остановились въ 3-хъ верстахъ южнѣе Сяосыра. Было получено приказаніе задержать японцевъ и не пустить къ Сяосыру. Позиціи для сотень были намѣчены съ вечера же.

Въ 4 часа утра, 6-го іюля, въ сторожевой сотнѣ началась стрѣльба; командиръ сотни донесъ о начавшемся наступленіи японцевъ. Сотни заняли позиціи (см. кроки). Командиру сторожевой сотни было приказано отойти и занять позицію на выступѣ противъ дороги (6-я сотня). Коноводы были расположены въ 2-хъ мѣстахъ и были совершенно укрыты отъ фронтальнаго огня.

Около 5-ти час. утра колонна японцевъ, около 2-хъ ротъ, безъ особыхъ мѣръ осторожности показала въ долину. Мы радовались такой неосторожности и, не открывая огня, ждали, чтобы роты подошли ближе. Шагахъ въ 700—800 колонна эта, очевидно, предупрежденная, остановилась въ нерѣшительности. Тогда 6-я сотня открыла по ней огонь залпами; то же сдѣлала съ своей позиціи и 1-я сотня. Японцы вразсыпную бросились за утесы, оставивъ въ долину на камняхъ нѣсколько труповъ, часть которыхъ, очевидно, раненые, поползли также къ боковымъ утесамъ.

¹⁾ См. «В. Р. К.» № 16.

Послѣ этого японцы поднялись на боковые гребни утесовъ и открыли огонь по нашимъ позиціямъ. Сотни дружно отвѣчали. Стрѣльба продолжалась около $\frac{1}{2}$ ч., когда было обнаружено, что человекъ 20—30 японцевъ хотѣли было обогнуть нашъ правый флангъ. Огнемъ правофлангового взвода эти люди были прогнаны.

Стрѣлковый бой по всему фронту шелъ самый оживленный.

Съ позиціи 1-й сотни, гдѣ былъ и командиръ полка, было замѣчено, что къ японцамъ подошли по долинѣ подкрѣпленія (около 2-хъ ротъ), которыя и укрылись въ лѣвомъ кряжѣ. Въ виду этого было послано командиру лѣвофланговой сотни приказаніе усилить бдительность на флангѣ и, если бы угрожала опасность, принять мѣры и своевременно предупредить. На лѣвомъ флангѣ это было особенно необходимо, такъ какъ лѣвый кряжъ горъ покрытъ кустарникомъ, мѣстами очень густымъ и выше роста человекъ.

Бой продолжался, при чемъ огонь особенно развивался на позиціи, занятой 6-ю и 5-ю сотнями. Беспорядочно частый огонь японцевъ напоминалъ стрѣльбу изъ пулемета.

Около $8\frac{1}{2}$ час., т. е. послѣ $3\frac{1}{2}$ час. горячаго стрѣлковаго боя, совершенно неожиданно былъ открытъ частый огонь по нашимъ коноводамъ. Японцы цѣлою ротой обошли нашъ лѣвый флангъ. Командиръ фланговой сотни не только не былъ бдителенъ и не принялъ нужныхъ мѣръ къ отпарированію удара, но и не успѣлъ предупредить. Донесеніе его (словесное) было прислано, когда наши коноводы, разстрѣливаемые, въ беспорядкѣ скакали по дну долины къ Сяосыру.

Цѣпи снялись съ позицій, перемѣнили фронтъ и начали отходить по правому горному кряжу.

Что же дѣлалъ за все это время генераль Любавинъ съ Аргунскимъ полкомъ въ 4-хъ верстахъ отъ мѣста боя? Позиціи наши были видны изъ Сандянзая, а пули чуть туда не долетали. Оказывается—ничего. Думали, что это «такъ себѣ», Нерчинцы палятъ себѣ на утѣшеніе... Насъ вздумали поддерживать, когда увидали нашихъ въ беспорядкѣ скачущихъ беззащитныхъ коноводовъ, т. е. тогда, когда эта поддержка была совершенно не нужна.

Вотъ примѣръ взаимной выручки.

Впрочемъ, нѣкоторые командиры сотенъ рвались къ намъ, видя серьезность положенія, но имъ не разрѣшили, сказавъ, очевидно, что «тамъ пустыки». Въ результатѣ этихъ пустыковъ: задача—задержать противника—не выполнена, стоило это—одного нижняго чина убитымъ, 15 ранеными, а лошадей убито и серьезно ранено около 50. 50 лошадей на 4 жиденькихъ сотни! Не жаль было бы этихъ потерь только въ лихой кавалерійской схваткѣ!

Погодъ къ м. Беньсиху, стоянка тамъ, обратное движеніе къ Сяосыру и дѣло у Цзянчана; окончательная остановка бригады линіей охраненія по р. Тайцзылэ отъ Беньсиху до Сяосыра. 7-го іюля отрядъ отошелъ къ Гаолинцзы, гдѣ и расположился было на ночлегъ. Въ Сандянзай же было оставлено для наблюденія за занявшими Сяосыръ японцами нѣсколько сотенъ Аргунскаго полка. Около 4-хъ час. пополудни было получено донесеніе, что оставленные у Сандянзая сотни оттѣснены японцами.

Генераль Любавинъ, не желая, очевидно, быть отрѣзаннымъ отъ арміи и оттѣсненнымъ къ Далинскому перевалу, предпринялъ ночной маршъ къ Беньсиху.

Дорога, идущая отъ Гаолинцы къ Беньсиху, проходитъ частью по горамъ черезъ перевалы, а частью по долинѣ праваго берега рѣки. Благодаря темнотѣ ночи и имѣя въ виду, что лѣвый берегъ рѣки былъ занятъ японцами, костры которыхъ были видны вдали, движеніе было организовано съ чрезвычайными мѣрами осторожности и было очень утомительно. Нервы людей были въ напряженномъ состояніи.

Около 3—4-хъ час. утра, сдѣлавъ ночной переходъ около 35—40 верстъ, отрядъ, утомленный этимъ тяжелымъ переходомъ, пришелъ въ д. Уйюининъ, гдѣ стояли фланговые части изъ Беньсиху. О продовольствіи и фуражѣ и мечтать было нельзя... Каждый предоставлялся самому себѣ.

9-го іюля передвинулись въ Беньсиху, гдѣ стоялъ полкъ пѣхоты съ батареей. Вскорѣ сюда же прибылъ 2-й Дагестанскій конный полкъ, только что прибывшій изъ Россіи. Ядро нашей бригады стояло въ Беньсиху до 18-го іюля, пользуясь сравнительными удобствами жизни и, благодаря 2-му Дагестанскому полку, нѣкоторымъ отдыхомъ отъ сторожевой и развѣдывательной службы. 19-го же іюля бригада выступила вверхъ по Тайцыхэ къ Цзянчану, гдѣ 24-го іюля имѣла дѣло съ японцами, стоившее 1 казака убитымъ и 7 ранеными, послѣ котораго отошла къ Сапдянзаю.

Движеніе къ Цзянчану было предпринято съ цѣлью совмѣстной атаки японцевъ у этого пункта съ частями отряда полковника Мадритова. Задача выполнена не была: ни тотъ, ни другой отрядъ въ Цзянчанъ допущены не были.

Послѣ дѣла у Цзянчана бригада растянулась линіей охраненія по р. Тайцыхэ, имѣя центръ въ д. Уйюининъ (8 верстъ къ востоку отъ Беньсиху), а фланги—правый въ Беньсиху и лѣвый—у Бьеленнуза-Сяосырь.

Дѣятельность бригады къ 1-мъ числамъ августа выражалась въ высылкѣ отдѣльныхъ развѣздовъ на лѣвый берегъ въ разныхъ направленіяхъ и въ поддержаніи связи съ отрядомъ у Беньсиху съ одной стороны и съ отрядомъ полковника Мадритова—съ другой.

Такое растянутое положеніе 8—9 жидкаго состава сотенъ исключало всякую возможность болѣе или менѣе упорной обороны какого-либо пункта, что и сказалося съ полной наглядностью въ послѣдующемъ въ августѣ мѣсяцѣ наступленіи японцевъ къ Ляояну.

Въ такомъ положеніи мы, дѣйствительно, могли своевременно обнаружить всякую переправу японцевъ черезъ Тайцыхэ на участкѣ Беньсиху-Сяосырь, но установить, что переправилась цѣлая дивизія или только батальонъ или даже 2—3 роты—совершенно не имѣли возможности.

Не наша вина, что на верхахъ черезчуръ увлекались растянутыми линіями, что хотѣли все «объять—необъятное»...

Заключеніе. Заканчивая на этомъ свой трудъ, я хочу сказать нѣсколько словъ о нашей войсковой развѣдкѣ.

Генераль Гамильтонъ въ своемъ трудѣ «Записная книжка штабнаго офицера», восхваляя дѣятельность развѣдывательныхъ частей японцевъ, въ то же время обвиняетъ насъ въ перѣшительныхъ дѣйствіяхъ и въ склонности къ преувеличеніямъ силъ противника.

Я взялъ мнѣніе этого лица потому, что оно популярно. Въ нашей военной средѣ къ голосу этого «авторитета» прислушиваются. На основаніи его выводовъ выносятъ даже заупокойную нашему славному казачеству.

«Японцы обладают удивительной способностью скрывать точное количество своихъ силъ. Если бы меня спросили въ любой періодъ осады, сколько у японцевъ войскъ подь Портъ-Артуромъ, я не могъ бы отвѣтить даже приблизительно. Я зналъ наперечетъ всѣ дивизіи, бригады, полки, но когда дѣло доходило до опредѣленія численности, я могъ указать только ихъ мирный составъ» и т. д.

А вѣдь этотъ—почитатель японцевъ до обожанія—былъ при арміи, оперировавшей на фронтѣ 5—10 верстъ.

Былъ ли г. Гамильтонъ въ лучшихъ, чѣмъ его коллега, условіяхъ, находясь при арміи Куроки, растянутой на 60—70 верстъ?

У недоброжелателей Россіи наше могучее казачество сидитъ поперекъ горла, поэтому они всячески стараются подорвать у насъ вѣру въ эту конницу. Къ несчастію, подголоски имъ нашлись и среди нашихъ верхоглядовъ изъ военныхъ, выступающихъ съ этимъ открытіемъ на трибунахъ офицерскихъ собраній.

Мы же, казаки, вѣримъ въ себя и знаемъ, что нашъ Батюшка Царь также вѣритъ, что «есть еще порохъ въ пороховницахъ и не гнутся еще Его казаки». И въ этой вѣрѣ въ себя и въ своего Великаго Царя Батюшку и сила наша казачья... Использовать только нужно умѣючи эту силу, направить ее... На войнѣ же надо прежде всего отрѣшиться отъ преступнаго раздѣргиванія мелочами казачьихъ частей подь обидной кличкой нужныхъ всѣмъ и каждому «казачковъ».

Атаманы намъ нужны, да не по названію только, а по духу... Чтобы они понимали насъ, и мы ихъ чтобы понимали...

Казачество живо!..

Н. Анисимовъ.

Полковой праздникъ Кинбурнецкихъ драгунъ 9 и 10-го мая 1909 года.

Полковой праздникъ Кинбурнецвъ длился два дня: первый день 9-го мая—общая молитва послѣ литургіи у полковой церкви и церковный парадъ; второй день—конный праздникъ.

Парадъ происходилъ предъ полковой церковью. Вся улица, церковь и собраніе были разукрашены живыми гирляндами изъ ели, флагами всѣхъ цвѣтовъ и заслуженными полкомъ Георгіевскими лентами. Масса народа, собравшаяся еще задолго до начала службы, дополняла общій видъ торжества. Молитва окончилась. Встрѣтили начальника. Единодушное и искреннее «ура» грянуло изъ мощной груди русскаго драгуна за обожаемаго Царя, Императрицъ и Наслѣдника престола. Послѣ рѣчи начальника дивизіи, сердечныя пожеланія Августѣйшему Шефу полка и всему начальству были подхвачены также громкимъ «ура». Затѣмъ красивый, стройный церемоніальный маршъ подь звуки воинственнаго марша. Похвала любимаго начальника дивизіи воодушевила всѣхъ. Унесли штандартъ, и парадъ оконченъ.

Черезъ полчаса улица опустѣла, толпа лѣниво расходилась. Настала тишина, и лишь развѣвающіеся флаги и гирлянды говорили о не кончившемся еще торжествѣ. Гг. офицеры обѣдали въ своемъ клубѣ съ начальникомъ дивизіи, а дамы полка у командира на квартирѣ. Вечеромъ былъ балъ. Всѣ веселились искренно

Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Дѣйствительно ли наша развѣдка была такъ плоха? Неужели японская кавалерія, какъ таковая, стояла въ этомъ отношеніи выше нашихъ второочередныхъ казачьихъ полковъ?

Отвѣчая на всѣ эти вопросы, съ глубокимъ и искреннимъ убѣжденіемъ говорю: нѣтъ. Выводы г. Гамильтона, во-первыхъ, черезчуръ однобоки, во-вторыхъ, пристрастны и, наконецъ, въ третьихъ, *ему желательны...*

Я считаю лишнимъ говорить, что нашими «нерѣшительными» развѣдчиками всегда обшаривался даже глубокой тылъ японцевъ, что достаточно подтверждается громаднымъ количествомъ забираемыхъ въ тылу ранеными или дошедшими, вследствие голода и чрезвычайныхъ лишеній тыловой развѣдки, до голоднаго тифа — развѣдчиковъ.

Въ противоположность этому — «рѣшительную» японскую кавалерію мы не только въ тылу у себя, но и на фронтѣ — почти не встрѣчали.

Не буду говорить и о томъ, что если японцы, можетъ быть, и бывали осведомлены лучше о нашихъ войскахъ, чѣмъ мы о ихъ, то это, во всякомъ случаѣ, надо отнести не къ чести ихъ войсковой развѣдки, а исключительно только лучшей, чѣмъ у насъ, организациіи шпионства, на что и всѣ шансы были на ихъ сторонѣ.

Оставлю также въ сторонѣ вопросъ, что даже при такой отличной (по мнѣнію г. Гамильтона) развѣдкѣ японцевъ и ихъ не менѣе, конечно, отличной организациіи шпионства, г. Гамильтонъ въ своихъ запискахъ, основываясь на свѣдѣніяхъ японцевъ, пишетъ, напр., такія небылицы, что будто бы генераль Ренненкампфъ въ бояхъ у м. Беньсиху (Шахэйскіе бои) игралъ роль кавалерійскаго начальника, имѣя сосредоточенными у Беньсиху казачью дивизію въ 1.500 коней, — тогда какъ на самомъ дѣлѣ генераль Ренненкампфъ былъ просто начальникомъ пѣхотнаго восточнаго отряда, подчиненнаго командиру 3-го корпуса; всѣ же тревоги и опасенія въ штабѣ Куроки за участь своего тыла причинила конная колонна генерала Любавина (лѣвая колонна отряда ген. Ренненкампа при атакѣ Беньсиху) изъ 2-хъ сотенъ Нерчинскаго и 3-хъ сотенъ Аргунскаго п. въ общемъ составѣ около 400 коней. Здѣсь отмѣчу только, что, значитъ, зѣло грѣшили преувеличеніями и японцы!..

Итакъ, оставляя все это въ сторонѣ, я задамъ вопросъ: хорошо ли были осведомлены о силахъ японцевъ самъ г. Гамильтонъ? Не измѣрялъ ли онъ силы японцевъ и наши только количествомъ дивизій съ одной стороны и корпусовъ — съ другой?

Я больше чѣмъ увѣренъ, что это было такъ.

Онъ считалъ наши корпуса и японскія дивизіи, совершенно не касаясь ихъ численнаго состава.

То, что наши батальоны вплоть до стоянки на Сипингайскихъ позиціяхъ не только не имѣли въ своихъ рядахъ полнаго боевого состава, но часто можно было встрѣтить батальоны, имѣвшіе только $\frac{1}{3}$ боевого состава, — я думаю, ни для кого не составляетъ секрета. Не секретно и то, что у японцевъ этотъ вопросъ обстоялъ иначе, именно — они считали свои силы батальонами только для насъ и, надо полагать, для всевозможныхъ агентовъ и корреспондентовъ при арміяхъ; для надобностей же боя — считали штыками.

Вотъ что, напр., пишетъ другой англійскій агентъ г. Бартлеттъ, находившійся при арміи Ногі, въ своемъ трудѣ «Осада и сдача Портъ-Артура», на стр. 337.